

Стефан Кларк

Боже, спаси Америку!

наблюдая за американцами

От автора бестселлера
«Боже, спаси Францию!»

Боже, спаси...

Стефан Кларк

Боже, спаси Америку!
Наблюдая за американцами

«РИПОЛ Классик»

2007

УДК 82.93
ББК 84(4Вел)6-4

Кларк С.

Боже, спаси Америку! Наблюдая за американцами /
С. Кларк — «РИПОЛ Классик», 2007 — (Боже, спаси...)

ISBN 978-5-386-03273-9

Заблудиться на хайвее, подвергнуться бандитскому нападению в Майами, попасть в лапы копов, нарядиться в килт и прославиться, поцеловать восковую фигуру королевы – все это в духе Пола Уэста, неутомимого британского путешественника. На этот раз он и его очередная французская подружка должны отправиться в Америку на заработки, ведь во Франции Пол оказался в настоящем финансовом *merde*. Новое приключение Пола Уэста от мастера иронического травелога Стефана Кларка.

УДК 82.93
ББК 84(4Вел)6-4

ISBN 978-5-386-03273-9

© Кларк С., 2007
© РИПОЛ Классик, 2007

Содержание

Аперитив	6
Париж и Лондон	7
1	7
2	9
3	12
4	15
5	19
6	22
Нью-Йорк	28
1	28
2	32
3	34
4	37
5	39
6	44
7	45
8	47
Бостон	49
1	49
2	50
3	52
4	56
5	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Стефан Кларк

Боже, спаси Америку!

Stephen Clarke

Merde happens

© Stephen Clarke, 2007

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление.
ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2011

*Если мои мелодии найдут место в сердцах людей, я буду знать,
что жизнь прожил не зря.*

Роберт Штольц, австрийский композитор

1968-й – какой замечательный это был год!

*Издатель убежден, что это повествование – лишь строгое
изложение фактов; в нем нет ни тени вымысла.*

Из предисловия к роману «Робинзон Крузо» Даниеля Дефо¹

*Меня уверяли, что в Америке сумасшедших больше, чем где бы
то ни было.*

Алексис де Токвиль, «Демократия в Америке», 1840

*Все события и персонажи этой книги вымышленные, и, за
исключением исторических фактов, любые совпадения с реальностью
случайны.*

¹ Пер. Марии Шишмаревой.

Аперитив

Таксист, который подвозил меня из аэропорта Кеннеди в то февральское утро, был молодым сикхом, и, едва мы вырулили на трассу, как он затараторил на панджаби или каком-то другом азиатском языке.

Я уже собирался объяснить ему, что владею только английским и школярским французским, как вдруг сообразил, что он обращается вовсе не ко мне. Он говорил по телефону, и это продолжалось всю дорогу. Может, он по совместительству работал в колл-центре и с пользой проводил время за рулем, занимаясь послепродажным обслуживанием компьютеров?

Впрочем, меня это не обижало. Мне вовсе не хотелось обсуждать погоду, как и объяснять, что привело меня в Америку. Я с удовольствием откинулся на спинку сиденья, и уже ничто не мешало мне наслаждаться лихорадочным волнением от приезда в Нью-Йорк.

Даже пробки казались экзотикой – эскадры желтых такси бились за место на дороге с черными «линкольнами» и сверкающими хромированными носами грузовиками; все отчаянно пыхтели, выпуская в морозный зимний воздух облака выхлопных газов. Резкие торможения, от которых того и гляди хрустнет позвоночник, не умаляли приятности путешествия.

После часа такой толкотни хайвей вдруг взлетел над крышами домов, и вот он – знаменитый на весь мир горизонт Нью-Йорка с серебристыми силуэтами небоскребов на фоне подернутого дымкой голубого неба. Сквозь паутину стальных тросов подвесного моста я разглядел угловой шпиль Эмпайр-стейт и ракетный конус Крайслер-билдинг.

Я вжался в сиденье.

Когда мы пересекали мост, горизонт по левому борту машины принял преувеличенные очертания, а потом начал отдаляться.

Вскоре Манхэттен совсем скрылся из виду, оставшись позади.

Нет, этого не может быть наяву, подумал я.

Париж и Лондон *Есть ли у меня мечта?*

1

Семена будущей катастрофы были посеяны прошлой осенью, когда я открыл английскую чайную в Париже, в нескольких шагах от Елисейских Полей. И тут же нагрязнул с визитом инспектор из Министерства культуры, который предупредил, что меня ждут «серьезнейшие неприятности», если я не переведу меню на французский язык.

Он как будто был создан для этой должности, упивающийся своей властью бюрократ, который отказывался верить в то, что даже самые лингвистически ущербные парижане способны понять слово *sausage*², которым в витрине обозначены длинные тонкие колбаски из мясного фарша.

А еще он заявил, что моих клиентов может напугать *cheese salad*³ – вдруг они решат, что в нем замешан стул (*chaise* по-французски)? Салат из стула, что ли? Какой отравы накурился этот парень?

Я не стал возмущаться и лишь заметил, что многие английские названия блюд – скажем, сэндвич, кейк, айс-ти, тост и бекон – давно прижились во французском языке, на что инспектор ответил презрительным «пф».

Чувствуя, что он встал в позу, я попытался сразить его убийственным аргументом, что, мол, английские названия выполняют просветительскую миссию и расширяют лингвистические познания моих посетителей.

– Ха! Вы полагаете, что французов надо силой заставлять учить английский? – прорычал он и стремительно вышел, раздраженно хлопнув дверью. Я решил, что он оставил меня в покое и моему бизнесу уже ничто не угрожает.

Но нет, его месть настигла меня спустя три месяца. Это было письмо – образец бюрократического садизма, – в котором говорилось, что повторная инспекция чайной, на этот раз проведенная инкогнито, подтвердила – заведение продолжает работать с непереуверенным меню, а потому хозяин приговаривается к выплате штрафа, который выражался в баснословной сумме.

– И сколько мы должны? – спросил я.

Я был в чайной с Бенуа, сыном пронырливого парижского предпринимателя по имени Жан-Мари Мартен, которому я продал пятьдесят процентов своего бизнеса. Жан-Мари выкупил эту долю в отчаянной попытке вырвать Бенуа из тисков образа вечного студента и окунуть его в реальный мир. Это был дальновидный ход – в расчете на то, что я сделаю из Бенуа хорошего менеджера и он из богатенького сынка и прожигателя жизни быстро превратится в умелого добытчика евро. Должен сказать, что парень довольно успешно справлялся с ролью управляющего чайной. Или, по крайней мере, так ему казалось, пока на нас не свалился этот безумный штраф.

Бенуа снова зачитал вслух цифру, и я, чтобы остудить пылающий лоб, прижался к прохладной стеклянной витрине с наполовину опустошенным блюдом самых дорогостоящих сосисок в мире.

² Сосиска. – Здесь и далее примеч. пер.

³ Сырный салат.

– Я могу помочь, – сказал Бенуа по-французски. – Переведу ценники, переделаю витрину, к тому же я уже заказал новое меню для блюд навынос. Инспектор вернется завтра утром.

– Но у меня нет таких денег, – простонал я. Для меня это действительно была неподъемная сумма – мне бы ее хватило, чтобы облететь земной шар бизнес-классом или купить спортивный автомобиль. Тошно было думать о том, что она пойдет на финансирование какой-нибудь министерской брошюры, разъясняющей правила охоты на англоговорящих выскочек.

Бенуа пробурчал что-то сочувственное. Он благоразумно скрыл свое облегчение, оттого что штраф начислен по делам, предшествующим покупке его отцом доли в чайной. По закону деньги должны были изъять из моего пустого кармана.

– Ты мог бы... – начал он, но я тотчас перебил его:

– Продать свою долю Жан-Мари? Ни за что. – Я знал, что Бенуа вынашивал план открыть еще одну чайную, но у меня не было никакого желания продавать свой бизнес, когда бренд начинал выходить на мировую орбиту. Если, конечно, такой орбитой можно было считать Латинский квартал. – Нет, я достану деньги, – твердо сказал я.

– Ты должен будешь заплатить в течение шести недель, или долг снова будет увеличен.

– Что? – Я выпрямился и посмотрел в глаза Бенуа. Если бы сейчас передо мной стояли его отец или сестрица Элоди, они бы наверняка втайне упивались моей болью, но на лице Бенуа отражались искреннее участие и тревога.

– Французская судебная система безжалостна, – сказал он. – Да, людей гильотинировать перестали, а вот избавиться от искушения покровсать бизнесмена...

– Спасибо, Бенуа, картина мне ясна.

Я оставил его переименовывать сосиску в *saucisse*, а салат – в *salade*, а сам пошел спасать свою финансовую шкуру. Или как это там называется по-французски...

2

Я был в шоке. И не только из-за финансовых проблем, но еще и потому, что услышал самые пугающие слова, какие только существуют в английском языке.

Нет, не «Возможно, тебе будет неприятно это слышать...», или «Я хотела кое-что сказать тебе, дорогой...», или «Ты разве не в курсе, что номером твоей кредитки активно пользуются одновременно в Москве, Шанхае и Боготе?»

То, что я услышал, было гораздо страшнее. Это был вопрос: «Что ты намерен делать со своей жизнью?»

Когда меня спрашивают об этом, я обычно симулирую внезапную глухоту или приступ поноса. Но если такой вопрос звучит из уст твоей девушки, тут уж не отвертеться. Приходится отрываться от экрана телевизора, пропуская захватывающую концовку очередного эпизода забойного сериала, который ты смотришь вот уже которую неделю подряд, и отвечать.

– Пардон? – спросил я, заставляя себя отвернуться от экрана и посмотреть в лицо Алексе (признаюсь, как всегда, очаровательное).

– О чем ты мечтаешь, Пол? – Она склонила голову мне на плечо и приглушила звук телевизора, чтобы меня не отвлекали подробные рассуждения детектива о том, как убийца водил за нос лучших сыщиков Скотленд-Ярда на протяжении последних трех серий.

Я предвидел, что меня ожидает. Совсем как лобстер, который чувствует начало конца, когда его обдаёт первой струей пара из кастрюли.

Прошло восемь часов с тех пор, как Бенуа известил меня о штрафе. Мы с Алексой лежали под уютным пуховым одеялом в ее огромной квартире возле Бастилии.

В мезонине этого роскошного дворца с полами из сосновой доски находилась спальня. Мы устроились именно здесь, поскольку отопление полов на нижнем этаже стоило бы месячной зарплаты, а я, в довершение всех неприятностей, временно был на мели. Собственно, как и Алекса, которой пока удавалось зарабатывать лишь продажей своих фотографий. Недавно у нее прошли выставки в Центре Помпиду в Париже и галерее Саатчи в Лондоне, которые принесли похвалу и признание, но – увы! – не так много наличности.

Квартира принадлежала ее отцу, который уехал жить со своей новой *amour* в Копенгаген. Я перебрался к Алексе сразу после Рождества, и сегодня мы впервые смотрели телевизор в постели. Я не видел в этом никакого намека на охлаждение чувств, как если бы мы уже не испытывали прежнего восторга от нахождения в одной постели и нуждались в иных возбуждателях помимо собственной наготы. Мне просто хотелось досмотреть последний эпизод сериала.

Но Алекса была натурой утонченной, а французские интеллектуалы относятся к телесериалам примерно так же, как крокодилы к соевым котлетам – слишком мало мяса, чтобы они заслуживали внимания. Вот почему она решила, что развязка очередной серии – самое время для разговора.

– О чем мечтаю? Так сразу и не ответишь, – сказал я. – Надо подумать.

– Но должны же быть у тебя какие-то амбиции. Разве не поэтому ты открыл свою чайную? – Ее английский был настолько хорош, что я едва улавливал французский акцент.

– Да, конечно, – согласился я, мысленно поздравляя себя с тем, что удалось выпутаться практически без усилий. Мой палец завис над кнопкой звука, как раз когда от откровений детектива все прочие персонажи замерли с открытыми ртами. Я решил, что пять секунд молчания Алексы можно будет истолковать как разрешение прибавить громкость.

– Но ты продал половину бизнеса, значит, у тебя должны быть и другие мечты.

Черт! Придется покупать DVD-диск, чтобы выяснить, кто же все-таки злодей. Я выключил телевизор и прижался к ней.

– О, у меня грандиозные мечты, – сказал я. – Вот вчера во сне я, например, мечтал о том, как ты лежишь голая в горячей ванне, и я забираюсь к тебе и...

– Нет, Пол, давай без шуток, прошу тебя. Я говорю серьезно. Что ты намерен делать со своей жизнью? – Всевидящий взгляд ее голубых глаз прямо-таки буравил мой мозг. – Я мечтаю снять фильм о французском стиле жизни, – продолжила она, – мечтаю о карьере фотографа. А о чем мечтаешь *ты*, кроме как о том, чтобы досмотреть свой детективный сериал? – Кстати, эту мечту она только что убила. – Так здорово быть с тобой в Париже, Пол, но я уже начинаю немного... – Она запнулась.

– Немного что?

– Скучать.

– Скучать? – Когда лежишь в постели с женщиной и она говорит, что ей с тобой скучно, вполне конкретные части мужского тела имеют обыкновение съезживаться.

– Да. И это вовсе не случайно, что проблема штрафа настигла тебя именно сейчас. Ты расслабился.

– Расслабился?

– Да, *tu te laisses aller*, пустил все на самотек. Вот уже месяц ты ничего не делаешь. В чайную почти и не наведываешься.

– Но Бенуа справляется и без меня.

– Ты целыми днями смотришь телевизор, зависаешь на каких-то идиотских сайтах в Интернете или попросту просиживаешь в кафе.

– Или валяюсь с тобой в постели. – По моему тону можно было догадаться, что такой образ жизни я нахожу идеальным.

– Но этого недостаточно. Ты же парень энергичный, с фантазией. Ты не можешь так прожигать жизнь. Придумай что-нибудь. Боюсь, что ты продашь вторую половину своего бизнеса, чтобы расплатиться с долгом, и тогда у тебя вообще ничего не останется.

Я все понял. Пробил час пещерного человека. Я должен был выйти на охоту и принести мамонта, чтобы доказать, что я настоящий мужчина. Даже самые отчаянные феминистки иногда впадают в такие крайности. Они требуют, чтобы мужчина открывал в себе женское начало, но время от времени испытывают потребность почувствовать на своей коже прикосновение его пятичасовой щетины.

В глубине души я знал, что она права.

Да, я по-прежнему получал удовольствие от парижских *caf *. Люди за столиками только притворяются, будто читают книги, а сами наблюдают друг за другом, за парочками, которые ведут такой напряженный спор, что кажется, вот-вот перевернут мир, за школьниками-подростками, которые смолят одну сигарету за другой, пытаюсь доказать свою принадлежность к взрослому обществу. Это зрелище всегда увлекательно.

Но вот с недавних пор я стал испытывать некоторую неловкость, присаживаясь выпить уже четвертую чашку эспresso за день. Я ловил себя на том, что начинаю нервно постукивать пальцами по мраморной столешнице, словно в ожидании кого-то или чего-то. И я не мог списать эту суетливость на отравление кофеином. Это было что-то вроде неудовлетворенности, засевшей глубоко в душе, куда не могли добраться кофе, шампанское и даже любовь (и тело) хорошей женщины. Какая-то часть меня находилась в поиске новизны. Мечты, возможно.

– Нет, я не собираюсь продавать свою долю в чайной, – сказал я Алексе, стараясь придать голосу дикую решимость пещерного человека. – Я достану деньги. И кажется, знаю, как это сделать.

– В самом деле? – Ее брови поползли вверх.

– Да. Несколько дней назад мне по электронной почте пришло письмо с предложением работы. Тогда я отверг эту идею, поскольку она показалась мне чересчур эксцентричной, но сейчас...

– И что это?

– Ты ведь смотрела «Тельму и Луизу»?⁴

– Да, а что?

– А фильм «Беспечный ездок»?⁵

– Да? – Она нахмурила брови. Похоже, от скуки не осталось и следа.

– А «Элфи»?⁶

– Оригинальную версию или ремейк?

– А какое это имеет значение?

– Для меня имеет. – Парижские девушки, вероятно, считают ремейки фильмов 1960-х таким же богохульством, как и калифорнийское шампанское.

– Хорошо. Оригинальную версию смотрела?

– Да.

– Так вот, мне предложили работу по мотивам всех этих фильмов.

Алекса улыбнулась и наградила меня поцелуем в плечо. Пусть я еще не принес мамонта, но, по крайней мере, намекнул на то, что мне известны места обитания этих волосатых монстров.

⁴ Роуд-муви Ридли Скотта, фильм 1991 года, ставший культовым среди феминисток.

⁵ Фильм Дэнииса Хоппера (1969), который стоит у истоков жанра роуд-муви.

⁶ Фильм Льюиса Гилберта (1966).

3

Спустя два дня я был в Лондоне, в своем лучшем костюме и с листком формата А4, на котором уместилась вся моя жизнь.

Здание, куда меня только что доставило такси, было высотой не ниже десяти этажей, все сплошь из голубого стекла, кроме парадной лестницы из белого мрамора. На площадке перед входом в огромном гранитном саркофаге произрастала экосистема из экзотических кустарников. Может, они купили египетскую мумию, и она дала ростки? – подумал я. Мне показалось странным, что здесь не высадили розы и яблони, поскольку здание было призвано рекламировать британский продукт. Дело в том, что это была штаб-квартира совершенно новой организации под названием (я цитирую) «Туристические ресурсы: Британия». Именно ее представители через компанию хедхантеров предложили мне работу.

После беглого допроса, учиненного двумя унылыми охранниками, я поднялся на лифте на шестой этаж и сел ждать в коридоре. Полы устилал ковер цвета слегка поджаренного тоста, стены имели оттенок тушеной в томате фасоли. Чего не хватало для того, чтобы полностью воссоздать тему английского завтрака, так это светильников в форме яичницы.

Однако вокруг не было никаких признаков жизни. Пока не открылись двери лифта.

Женский голос вырвался в коридор сначала ровным бормотанием, а потом истеричным криком:

– Нет, я не могу взять твою чертову собаку на стрижку. Во всяком случае, не раньше шести.

Из лифта выпорхнула долговязая, вся в кудряшках, особа лет тридцати в каких-то невообразимых шмотках, как будто купленных в благотворительном магазине, специализирующемся на разношерстой одежде. Свободный джемпер всех цветов радуги, клетчатая мини-юбка, колготки в вертикальную полоску и допотопные замшевые «луноходы». Под мышкой был зажат ворох папок, по внешнему виду которых определенно можно было сказать, что за сегодняшний день их роняли раз десять.

– Нет, это *ты* иди к черту, Джордж, тем более что уже знаешь дорогу. О! – Она увидела меня и нажала отбой. – Привет! – Мне был протянут телефон для рукопожатия. – Прошу прощения, ты пришел пораньше, заходи... о, черт, где же эти ключи, будь они неладны, поддержи-ка это, приятель.

Женщина всучила мне папки, и, пока она рылась в своей замшевой сумке в поисках ключей, я стал свидетелем очередного витка синдрома Туретта⁷. Все это время меня откровенно раздевали взглядом, как это обычно бывает в стриптиз-клубах, когда разглядываешь девушку, танцующую у шеста. Не то чтобы я бывал в таких заведениях. Ну, во всяком случае, в Европе.

– Не разрешили мне припарковаться у входа, мерзавцы. Я хочу сказать, откуда у меня пропуск в первый рабочий день... да вот же они, черт, как же открывается эта проклятая... так, есть, отлично, садись, кофе, о нет, вряд ли он есть, черт с ним, давай сразу к делу, идет?

Она сорвала клейкую ленту с большой картонной коробки, которая стояла под окном.

– Ага, сначала примерим это, согласен?

В мою сторону полетело нечто похожее на безногую немецкую овчарку. Когда я поймал вещь, то узнал в ней базби, гвардейскую шапку из медвежьего меха. Что это, тест на знание культуры, подумал я? «Назовите этот британский головной убор»? Наверное, теперь мне

⁷ Заболевание, характеризующееся множественными тиками, а также спонтанным высказыванием эмоционально окрашенных слов и выражений.

предложат идентифицировать обжаренный в масле батончик «Марс» и стеганый чехол для чайника с портретом Чарлза и Камиллы.

– Ну? – сказала она. – Давай же надевай.

Шапка опустилась мне на глаза и защекотала уши. Из-под меховой челки я увидел, что женщина сфотографировала меня, а потом снова направилась к своему ящику Пандоры.

– Так, а как насчет этого?

На этот раз мне пришлось нацепить на шею колючий кружевной воротник и изобразить улыбку, пока меня снимали в образе бифитера, служителя Тау эра.

– Молод, конечно, но какая разница, – услышал я. – О, я знаю, что мы с тобой сделаем... О, черт!

Женщина встала на колени и с головой нырнула в коробку. Вскоре оттуда вылетела пластмассовая корона, а следом за ней нечто, напоминающее шутовской гульфик с бубенчиками. Что ж, по крайней мере, я был избавлен от полного унижения.

– Кажется, больше ничего нет. – Она выпрямилась и начала раздеваться. – Снимай свои штаны.

Надо же, как изменились интервью при приеме на работу, подумал я. Раньше такого не было. Может, меня еще попросят трахнуть кого-нибудь во имя Британии?

– Ты, надеюсь, без комплексов? Давай же, смелее, мы тут насмотрелись всякого. Да и ты, наверное, не впервые видишь девушку в колготках.

Что правда, то правда, и могу сказать, что меня это никогда не впечатляло. Прошу прощения, милые дамы, но таков уж закон природы: женское нижнее белье, пусть даже и трусики танга, втиснутое под слой цветного нейлона, не может выглядеть сексуально.

– Килт еще не привезли, но для пробных снимков сгодится и моя шотландка. Извини, это единственная клетка, которую мне удалось найти в «Маркс энд Спенсер». – Она громко фыркнула, будто прочищала заложенный нос, но я догадался, что такой у нее смех.

Что ж, хотя бы секс присутствовать не будет, лишь фотография моих коленок в обрамлении шотландской клетки. Я спустил брюки и облачился в юбку. К счастью – или к несчастью, – сбоку она застегивалась на пряжку, так что мне не составило труда подогнать ее по фигуре, по крайней мере, закрепить на поясе.

И только когда я уже встал перед камерой, чтобы увековечить свои коленки в пикселях, а в ее психопатическом бреде прозвучало, что «для настоящей брошюры привезут настоящий килт», до меня дошло, что весь этот маскарад не про мою честь. Я ведь пришел вовсе не для того, чтобы сниматься в рекламе. Похоже, она приняла меня за другого. Ну да, если пораскинуть мозгами, я попал не по адресу. Я должен был встретиться с парнем по имени Тайлер. А, увидев ее, подумал, что она – его ассистентка. Впрочем, если начистоту, я вообще ни о чем не думал, просто тупо следовал инструкциям и позволил выставить себя на посмешище.

– Ээ... – попытался я перебить ее словесный поток, но она, не умолкая ни на секунду, снова ринулась к картонной коробке:

– Портфолио у тебя с собой? Ты уже снимался для рекламных кампаний? Тьфу ты, черт!

Зазвонил ее телефон. Она проверила входящий номер и, гримасой извинившись за то, что должна ответить на звонок, нажала кнопку.

– Что? Беременна? Опять? О, черт! Секунду. – Женщина зажала рукой трубку. – Извини, дорогой, это моя сестра. Можешь подождать минутку в коридоре? – Она схватила меня за локоть и увлекла к двери. – И кто отец? – Телефонный разговор возобновился. – Черт, так, значит, он наврал про свое бесплодие? Паразит!

Я стоял в коридоре в мини-юбке и молил бога о том, чтобы никто не прошел мимо и не увидел меня.

– А, мистер Уэст, полагаю?

Меня так и подмывало сказать «нет».

4

Толстячок в сером костюме уставился на меня поверх очков для чтения в золотой оправе. Ему было лет пятьдесят, не меньше, но его богатой седой шевелюре можно было позавидовать. Он скалил зубы, но не в улыбке, а чтобы елозить по ним языком, как будто прочищая после завтрака.

– Джек Тайлер, – представился он, протягивая мне руку. Он явно решил, что было бы невежливо сразу цепляться к моим голым ногам. Чиновник старой школы.

– Пол Уэст, – признался я. – Э... видите ли... насчет юб...

– Проходите. – Он жестом указал на соседнюю дверь.

Кабинет Тайлера был точно таким, как у полоумной стриптизерши, разве что полки были наполовину заставлены папками и книгами формата кофейного столика. На столе стоял компьютер. Судя по всему, этот парень заселился сюда на день раньше, чем соседка, и успел слегка обжиться.

Мы сели за стол друг против друга.

– Я должен объяснить, – начал я.

– Вы шотландец? – снова перебил он. Голос у него был ровный, я бы даже сказал, аристократический.

– Нет.

– Вы ведь не трансвестит? Только не подумайте, мы не имеем ничего против них. Британское правительство как работодатель предоставляет всем равные права на трудоустройство. – Он произнес это прямо как цитату из учебного пособия.

– Нет-нет, просто ваша коллега из соседнего офиса забрала мои брюки.

– Я понимаю. – Он посмотрел на меня снисходительно, как психиатр, которому пациент только что объяснил, что на самом деле он гигантский томат.

– Ну, не то чтобы она взяла их поносить, разумеется. Мы не обменивались одеждой.

– Нет?

– Нет. Она попросила меня снять брюки, чтобы сделать какие-то фотографии.

– В самом деле? – Он впери́л взгляд в стену, как будто мог увидеть все странности, творящиеся в соседнем кабинете.

– Я хочу сказать, что ей нужен был кто-то, кто смог бы позировать в килте, – для туристической брошюры, как она объяснила, – а ее модель не пришла, а я был в коридоре, поэтому она попросила меня зайти.

– А... – Казалось, до него наконец дошло. – В общем, получилось без штанов, но в шляпе.

– Прошу прощения?

– Ну, это поговорка такая.

– Ах да, здорово. – Я выдавил из себя вежливую улыбку. – Ей позвонили, и она попросила меня подождать за дверью. Я заберу у нее брюки, когда она закончит.

– Да-да, здесь все это в порядке вещей, – сказал он, облизывая зубы. – Кругом хаос. Новое название, новая штаб-квартира... на мой взгляд, все такое нелепое.

– Новое название? – спросил я.

– Да, раньше было старое доброе Британское управление по туризму, пока какой-то умник в правительстве не решил, что это отдает *вчерашним днем*. Как бы то ни было... – Он порывлся в бумагах, собираясь с мыслями. – Довольно про нас. Расскажите, чем вы занимались в последнее время. Во Франции, и, как я понимаю, в Англии тоже.

Я посвятил его в подробности своего пребывания в Париже, где в основном занимался обустройством чайной, после чего изложил суть своей миссии в Лондоне, куда меня пригласили для продвижения психически неуравновешенного французского шеф-повара.

Тайлер задал несколько вопросов, но ни один из них не увел меня на опасную территорию, и мне не пришлось объяснять, почему за год я сменил две работы.

– Хорошо. Очень хорошо. Итак... – Он опять принялся водить языком по зубам, и я большим усилием воли заставил себя не последовать его примеру. Этот нервный тик был заразным. – У вас есть ко мне какие-нибудь вопросы на этом этапе?

– Ну да, есть. И, я бы сказал, главный.

– А именно?

– А именно: в чем конкретно заключается работа? – Хедхантеры, конечно, предоставили мне кое-какую информацию, но ее было достаточно только для того, чтобы заинтересовать меня, а вот разглашать детали отказались. «Совершенно секретно», как объяснили они.

– А! – Это был смех, но он прозвучал так, будто парня подстрелили. – Всё как всегда с этим аутсорсингом, – проворчал он. – Платишь кому-то, чтобы выполняли твою работу, а все равно приходится все делать самому. «Туристические ресурсы», будь они неладны. Это скорее привлеченные ресурсы. Знаете, мы ведь даже не собственники этого здания. Можете себе представить, во сколько нам обходится аренда? – Все это время он обращался скорее к потолку, но теперь, похоже, спустился на землю и снизошел до меня. – Так о чем вы спрашивали?

– Что за работа?

– Ах да. Что вам уже успели рассказать?

– Люди из агентства по трудоустройству говорили, что я буду колесить по Соединенным Штатам, рекламируя Британию как туристический маршрут, и вроде бы там будет что-то вроде соревнования. – Еще они уверяли, что с жирным бонусом для меня, в случае победы Британии.

– Да, все верно, – подтвердил он. – Примерно через месяц впервые в истории состоятся выборы столицы мирового туризма. Победитель будет в следующем году принимать у себя Всемирную туристическую ярмарку.

Я изобразил искреннее восхищение.

– Победа в конкурсе привлечет не только миллионы туристов, – продолжил он, – но и солидные гранты от ВТО. Вы знаете, что такое ВТО?

– Всемирная торговая организация? Да, хотя мне кажется, что совсем недавно она стала называться Помощник Глобального Бизнеса.

– Что? В самом деле?

– Нет, я просто...

– Ха! Хорошая шутка. Прямо в точку. Или в больное место. Или куда там еще.

– Но вы сказали, что голосование состоится через месяц. Выходит, работа срочная, не так ли?

– Да. Дело в том, что там были некоторые... э... технические проблемы. – Похоже, он не слишком-то расположен к конкретике.

– И кто еще участвует в соревновании? – спросил я.

– Хороший вопрос. Очень хороший. Кто же наши конкуренты, будь они неладны? – Тайлер порылся на столе и отыскал маленький буклет. – Итак, в этом первом турнире участвуют... – Он ткнул пальцем в страницу и прочитал: – Китай, Франция и США. Я знаю, вы бы отлично подошли для Франции, но у нас там уже есть промоутер, вот почему мы решили предложить вам Америку. – Он жестом показал на окно, будто оно символизировало западное направление.

– Но что конкретно надо делать?

– Ах да. Видите ли, некоторые детали, должен признать, еще прорабатываются. Но в основном... ненавижу эту формулировку, а вы? Как бы поточнее выразиться...

– Может быть, в сухом остатке? – подсказал я.

– Да, в сухом остатке, спасибо. Кандидат, который получит эту работу, должен в рамках рекламной кампании организовать ряд мероприятий в ключевых городах. – Он улыбнулся и облизнул зубы. На этот раз я не сдержался и тоже провел кончиком языка по верхней челюсти.

– Ключевые города – это какие же? – спросил я.

– О, да. Честно говоря, понятия не имею. Вот, смотрите сами. – Он передал мне буклет. Я раскрыл его на странице, озаглавленной «Города-участники, США», но вместо списка прочитал фразу: «Подлежит согласованию и утверждению».

– Так их еще не утвердили? – спросил я.

– Нет, – ответил он. – Хотя я точно не знаю. Надо выяснить. Мы получили этот буклет несколько месяцев назад.

– И насколько я понял, мне предстоит колесить по всей Америке? – Мысленно я уже был там, мчался по просторному хайвею, одна нога на педали газа, другая торчит из окна, греясь под жарким солнцем Вайоминга. Да, я смогу спокойно высунуть из окна и ногу, и руку, потому что машина ведь будет с автоматической коробкой передач.

– Совершенно верно, на «мини».

– Пардон? – Я с трудом вернулся на землю, в английский офис без намека на солнце. – На «мини»? Но у меня есть ноги. И будет багаж. – Не говоря уже о девушке. – Я представлял что-то более вместительное. Может быть, лондонское такси? Нет ничего более британского, чем черный кэб.

– Нет-нет. Мы провели *опрос*. – Когда он лизнул зубы на этот раз, мне показалось, что он пытается удалить мерзкий привкус только что произнесенного им слова. – И выяснилось, что большинство находит кэбы слишком черными.

– Слишком черными? Тогда почему бы не раскрасить один из них?

– И слишком старомодными. Впрочем, не спрашивайте, я и сам толком не видел этого опросного листа. Но, если я правильно помню, «мини» красочные и смешные, стильные, но без снобизма. Что-то вроде этого. В общем, понимаете. Как это сейчас называют? Крутая Британия?

Я видел в этом лишь единственную проблему.

– Разве «мини» теперь не немецкие машины? – спросил я.

Тайлер снял очки, и челка тут же упала ему на глаза.

– Правильно ли я понял, – произнес он с оттенком усталости в голосе, – что вы не убеждены в том, что эта... э... миссия выполнима?

– Нет, нет, я с удовольствием возьмусь за эту работу. – Небольшая поправка: я *был вынужден* взяться за эту работу, потому что на мне висел огромный штраф. – Просто на первый взгляд все как-то хаотично и неорганизованно, – продолжил я, – но, как вы могли понять из моего резюме, мне не впервой вытаскивать безнадежные проекты. – Ему совсем не обязательно было знать, что мой последний проект закончился тем, что французский шеф-повар попытался удушить меня салатом из тертых кабачков.

– Вот и хорошо. Что ж, – Тайлер вцепился в мышку и устало щелкнул клавишей, открывшая меню компьютера, – в таком случае, у меня для вас несколько вопросов. *Анкета*. – Он нацепил очки и прочитал с экрана. – Итак, вопрос первый. Каково ваше мнение о национальной безопасности США?

– Прошу прощения?

– Видите ли, речь идет о том, чтобы выявить ваше отношение к заокеанским хозяевам. Мой совет: постарайтесь, чтобы от ваших ответов не слишком веяло террористической угрозой.

– Хорошо. Как насчет такого: «Я только „за“»?

– Что?

– Я только *за* национальную безопасность.

– Как-то скупо.

– Но что тут еще скажешь? – Мне вовсе не хотелось толкать речь о том, какая это блестящая идея – запрещать проносить на борт зубную пасту.

– Ну, если вы настаиваете... – Двумя пальцами он напечатал мой ответ и принялся зачитывать следующий вопрос. – Как вы относитесь к сегодняшнему ренессансу... – Кажется, посередине фразы силы окончательно покинули его, но он собрался с духом и заставил себя продолжить: – *ренессансу* в американской религиозности? Религиозность? Что, есть такое слово?

Вау, час от часу не легче. Я формулировал свой ответ с такой же тщательностью, с какой французский кондитер лепит шоколадный трюфель.

– Если мне позволят процитировать Джорджа Майкла, который, насколько я помню, исповедует православие...

– Да?

– «Я должен верить».

– Прошу прощения?

– «Я должен верить». Это слова из его песни.

– Вы хотите, чтобы я это записал?

– Да, пожалуйста. Только, наверное, нужно немного поправить Джорджа Майкла. Давайте напишем «Верить нужно».

Тайлер лишь покачал головой и записал.

– И последний вопрос, обещаю, – сказал он. – Как вы оцениваете американскую внешнюю политику?

Увидев ужас, отразившийся на моем лице, он кивнул. О да, это была бомба.

– Как и все британцы, я очень благодарен американцам за то, что они вступили во Вторую мировую войну и помогли нам освободить Европу, – отчеканил я. «А моя бабушка говорит им спасибо за шелковые чулки», – ну, это я уже добавил про себя.

Тайлер пожал плечами и отослал мой ответ по горячей линии в Пентагон или куда там еще, не знаю.

– Что ж, пожалуй, и все, – сказал он. – Если вашу кандидатуру одобряют, я с вами свяжусь. Или кто-то вместо меня. Видимо, и это попадает под аутсорсинг. Ха!

Я засмеялся, пожал ему руку и поспешил к двери, чтобы он не успел заразить меня своим маниакально-депрессивным юмором. К тому же пора было возвращать себе брюки.

5

– Вдохнови эту атмосфер!

Мой американский друг Джейк страдал от... как бы поточнее выразиться... уникального лингвистического состояния, которое выражалось в том, что он не мог говорить ни на одном языке.

Хотя не совсем так. На самом деле он говорил на двух языках – французском и английском – одновременно, так что желательно было иметь вмонтированную в голову стереосистему прослушивания, чтобы разобрать, что именно он говорит. Хуже того, зачастую он произносил французские слова с американским акцентом и наоборот.

К счастью, я довольно прилично знал французский и понимал, что, употребляя слово «вдохнови», он на самом деле имеет в виду «вдохни».

На лице Джейка засияла счастливая улыбка, когда он сделал глубокий вдох, набирая полную грудь воздуха. Я говорю про воздух, хотя сырости и дыма в нем было куда больше, чем молекул кислорода.

Часы показывали десять вечера. Я позвонил Джейку, как только вернулся в Париж, и он пригласил меня к себе на крышу. Иногда мы поднимались туда, чтобы отвлечься от суетного мира и поболтать ни о чем, не без бутылки, конечно. Если не шел дождь и не подмораживало, передвигаться по относительно плоской крыше было довольно безопасно. Главное, не приближаться к коньку, откуда можно было запросто рухнуть вниз с высоты шестого этажа.

Я сидел на омерзительно холодной металлической кровле, прижимаясь спиной к теплой трубе дымохода. Это было популярное место посиделок. Труба была усеяна ожогами от затушенных сигарет и окаменевшей жвачкой, а штукатурка разрисована граффити в виде ухмыляющейся кошки – видимо, кто-то хотел привнести в это место домашнего уюта.

Такую популярность нетрудно объяснить. С того места, где я сидел, открывался потрясающий вид на беспорядочную мозаику парижских крыш. Жилые дома, которые с улицы смотрелись серыми и одинаковыми, демонстрировали свою индивидуальность на уровне горизонта, хвастаясь причудливыми скатами, световыми люками и противозаконными террасами. В одном из зданий жильцы верхних этажей соорудили на крыше лужайку из искусственного газона с пальмой. Два пластиковых шезлонга были обращены к западу, чтобы ловить закат.

Солнце давно зашло, но зато вдалеке заискрилась Эйфелева башня, как будто миллиарды сексуально возбужденных светлячков разом вспорхнули с ее шпиля. В начале каждого часа, от заката и до часа ночи, иллюминация башни исполняла пятиминутный танец диско, и тот фейерверк, который я сейчас наблюдал, мог бы заставить даже самых искушенных и пресыщенных пиротехников воскликнуть: «Вау!»

Впрочем, Джейк не проявлял никакого интереса к чудесам французских осветительных технологий. Он обнимал блестящую металлическую трубу, которая выходила на крышу из внутреннего дворика здания. Это была выхлопная труба системы кондиционирования *café*, расположенного на первом этаже.

– Вдохнови это, – повторил он, приподнимаясь на цыпочках, чтобы подобраться носом как можно ближе к выходному отверстию в форме грибной шляпки. – Настоящий Пари. – Да, он и впрямь дышал выбросами настоящего парижского *café*, газовой смесью, чуть менее токсичной, чем горячий гудрон. К слову сказать, при этом он еще дымил «Галуазом».

Я подумал о том, что в этом, наверное, и кроется единственное объяснение его успеха у женщин. Если он не был одет в черный костюм от «Пола Смита», который позаимствовал у меня три месяца назад, да так и не вернул, выглядел он, словно после оргии огородных

чучел. Значит, было все-таки что-то неотразимое в его мальчишеской ухмылке и умении преподносить себя полным придурком.

Недавно Джейк открыл для себя еще один способ выделиться из толпы. Франция объявила о запрете на курение во всех общественных местах. И хотя казалось маловероятным, что парижские курильщики бросятся исполнять закон, мой приятель решил накуриться до чертиков, прежде чем мир рухнет окончательно.

– Вирджиния тоже хочет, чтобы я бросил курить, – сказал он. – Она не разрешает мне дымить в квартире, старик, даже если я высовываю голову в форточку.

Вирджиния была студенткой киношколы, и Джейк жил с ней еще с тех времен, как одолжил мой костюм. До сих пор это были его самые продолжительные отношения и, пожалуй, единственный роман с француженкой за десять лет пребывания в Париже. Дело в том, что он был одержим идеей переспать с женщинами всех национальностей, населяющих Париж, и о каждой написать стихи. Впрочем, с Вирджинией он, кажется, впервые задумался о чем-то более серьезном, нежели приятное времяпрепровождение и лирика.

– Ты пишешь о ней стихи? – спросил я.

Джейк подозрительно покосился на меня. Он частенько обвинял меня в «неуважении к его *rosy*». Но тут речь шла не о маленьком букете цветов⁸, а о *poésie* – его поэзии. Впрочем, он ошибался. Я искренне уважал его творчество, точно так же, как уважаю питбулей – то есть стараюсь по возможности держаться от них подальше. Когда прослушаешь штук пятьдесят нерифмованных двустихий о том, что именно Джейк проделывал с пьяной иранской переводчицей и банкой икры, аппетит быстро пропадает.

– Да, – ответил он. – Пишу. Каждый день я посылаю ей эротические *rosy*. Здорово, да?

– Да, замечательно. – Я сделал большой глоток вина «Шенен Блан» из своего стакана, чтобы успокоить желудок.

Джейк уселся рядом со мной.

– Ну, ты как, примешь это американское предложение? – спросил он.

– Я не уверен в том, что они примут *меня*.

Я перечислил сразу несколько причин, по которым мне, скорее всего, откажут, не забыв упомянуть уклончивые ответы на щекотливые политические вопросы и случайное превращение в трансвестита.

– Как оказалось, эта женщина набирала моделей, – сказал я. – Это был открытый просмотр, так что она не знала, кто придет, поэтому, увидев меня в коридоре, предположила, что я жду ее.

Джейк кивнул, словно подтверждая абсолютную логичность возникшего недопонимания, и меня это тронуло. На самом деле я репетировал, как выложу новости Алексе, которая сейчас была на юге, где снимала каких-то детей для своего документального фильма о французском образе жизни. Она хотела расспросить их о том, почему у юных жителей марсельских окраин вошло в привычку каждое лето поджигать леса и каждую зиму – автомобили.

– Вся эта организация какая-то сумбурная, – сказал я. – Мне даже кажется, в какой-то момент я перестал воспринимать эту работу всерьез.

– Это ущерб, – сказал Джейк. Я мысленно перевел это как «жаль» (*dommage*⁹). – Где же ты возьмешь денег на свой миндаль?¹⁰

Я не сразу сообразил, что он имеет в виду *amende*, французский синоним слова «штраф».

⁸ По-английски *rosy* – маленький букет цветов.

⁹ *Damage* (англ.) – ущерб; *dommage* (фр.) – жаль.

¹⁰ *Almond* (англ.) – миндаль.

– У меня есть еще кое-что на примете, – сказал я. – И одна из моих бывших подружек работает в банке. Надеюсь, она поможет с кредитом. Но это не решит проблему Мистера Зануды, которым я стал для Алексы.

– Ты должен поразить ее, Пол. Может, купишь костюм супермена? А потом пригласишь ее заняться любовью на трапедии?

– Да, отличная идея, Джейк. – Как всегда, его совет в отношении женщин настоятельно требовал заключения психиатра.

– Знаешь, я скоро поеду в Америку, – сказал он. – К своей маме, в Неваду. Я думал, мы могли бы там встретиться.

– Встретиться? Да. Только, даже если я получу работу, не факт, что я попаду в Неваду.

– Вот и я тоже.

– Что?

Джейк глубоко вздохнул и, как всегда, путано принялся объяснять, как купил билет на самолет, а потом подыскал тариф подешевле и аннулировал заказ, однако за возврат билета ему пришлось заплатить такую комиссию, что денег осталось лишь на неприлично дешевый чартер до Орландо. Его рассказ чем-то напомнил мне историю бедолаги, получившего в качестве рождественского подарка бейсбольную битку, которой он потом целый день охаживал себя по голове.

– Но это не проблема, старик, – заключил он. – Я поймаю борзую.

– Что? – Он собирался скакать домой верхом на собаке?

– Ну, это автобус.

– Ах да. – Конечно же он имел в виду «Грейхаунд»¹¹. Пожалуй, впервые мой друг употребил правильное американское слово.

– Я... как это сказать... жду нетерпеливо?

– Жду с нетерпением?

– Да. Честное слово, я жду с нетерпением, когда окажусь в Америке, только вот есть одно обстоятельство.

– Что такое?

Он втянул носом воздух:

– Дым, старик. Мои друзья из Нью-Йорка говорят, что с курением там беда. Даже на рок-концертах атмосфера чистая. – Джейк скорчил гримасу. Он был большим любителем парижских рок-клубов, где – по крайней мере, сейчас – за густой пеленой сигаретного дыма табличек «не курить» попросту было не разглядеть.

Сделав глубокую затяжку, он кивнул на современное здание по ту сторону улицы.

– Смотри, – сказал он, когда в незашторенном окне верхнего этажа появился силуэт женщины. – Иногда она готовит на кухне в нижнем белье. Я уверен, она знает, что ее видят, но все равно раздевается и жарит стейки. – Джейк рассмеялся. – Дым и белье. *Vive Paree*¹². Кому нужна эта *l'Amérique*¹³?

¹¹ «Грейхаунд оф Америка» – национальная автобусная компания, обслуживающая пассажирские междугородные, в том числе трансконтинентальные, маршруты. На эмблеме компании изображена бегущая борзая.

¹² Да здравствует Париж (*искаж. фр.*).

¹³ Америка (*фр.*).

6

Есть девушки, которые позволяют тебе почитать на лаврах. Алекса не из таких. Признание в любви для нее не было бессрочным контрактом и требовало постоянного подтверждения. В этом смысле клятву в вечной любви можно было сравнить со скоропортящимся йогуртом.

Точно так же ей нельзя было сказать: «Я люблю тебя, дорогая» – в надежде на то, что это отвлечет ее от последующего признания: «Послушай, мне кажется, я провалил интервью, так что вряд ли стоит рассчитывать на воплощение американской мечты в ближайшем будущем».

Поэтому в тот вечер, когда Алекса вернулась в Париж из Марселя, я встретил ее на вокзале и повез на такси в один из ее любимых рестораников.

За те двадцать минут, что мы ехали, я представил тщательно продуманный отчет о своем пребывании в Лондоне.

– Как я могу экспромтом отвечать на такие вопросы? – возмутился я, зная, что француженка с пониманием отнесется к любому, кому придется отвечать на глупости, исходящие от американского правительства. Не французский ли это был пилот, который на вопрос секьюрити в аэропорту Кеннеди о том, что у него в чемодане, отшутился: «Бомба, болван»? Кажется, скоро заканчивается срок его заключения в Гуантанамо.

Удивительно, но Алекса от души смеялась над моими остроумными ответами.

– Ты отлично выступил, Пол, – сказала она. – В конце концов, кому нужна эта Америка? Приехали. Не она ли подтолкнула меня на эту авантюру?

– Найдешь другую работу, – продолжала она. – Я ведь уже говорила тебе, что ты парень с фантазией. Как у тебя с фантазией на сегодняшний вечер?

Она игриво и лишь слегка болезненно ткнула меня в чувствительную область, и мне вдруг совершенно расхотелось тратить время на долгий изнурительный банкет.

– Ты уверена, что хочешь в ресторан? – спросил я, и мой голос прозвучал на полтона выше обычного.

– Да. Разве тебе твоя мама не говорила, что девушку надо накормить, прежде чем... – Она притянула мое ухо к своим губам и прошептала остальное.

– Нет, ни разу не слышал от нее ничего подобного, – ответил я. – Мама обычно просила меня почистить ногти перед свиданием, и это, пожалуй, все.

– Ах, ну да, вы же англосаксы, для вас гигиена куда важнее романтики. Да, кстати, а ты так и не спросил, что я делала в Марселе. Тебя совсем не интересует моя работа?

Мы снова были на стадии обновления запасов йогурта.

Я попросил таксиста высадить нас на бульваре Бон-Нувель, который был частью Больших бульваров, проложенных в девятнадцатом веке, чтобы войска могли маршировать по городу, подавляя мятежи.

В одном из переулков находился традиционный парижский ресторан, где еда была скорее нормальной, нежели впечатляющей, но и здесь получить столик в пятничный вечер, даже и для раннего ужина в половине восьмого, было довольно проблематично, и нам пришлось мобилизовать всю свою наглость.

Рестораник притаился во внутреннем дворике, где уже скопилась приличная очередь и царил привычная для Парижа неразбериха. Обстановка была особенно нервной, поскольку прибыла большая группа туристов, а какая-то парочка безуспешно пыталась найти безопасное место для парковки своих велосипедов.

Парижане нисколько не сомневаются в том, что имеют приоритет над туристскими группами, поэтому мы с Алексой уверенно прошли к ярко освещенному входу, где разыгрывал комедию пожилой метрдотель в голубом костюме.

– *Столик на четверых!* – объявил он.

Тут бы первой четверке из очереди броситься вперед. Две пары парижан в шерстяных пальто так и сделали, а четверем американским туристам оставалось только хмуриться, недоумевая, как это их обошли.

Пожилой бородач в тирольской зеленой шляпе с пером мялся возле двери.

– Я бронировал по телефону, – доверительно произнес он.

– Бронировали по телефону? – изумился мэтр. Толпа наострила уши. – Не в этом ресторане, мсье, – продолжил он. – Мы не бронируем столики. Может, вы звонили в «Макдоналдс», что на бульваре?

Послышались смех и аплодисменты.

– Долго ждать столик на двоих? – спросил я. Мне всегда казалось, что нелишне сразу заявить о себе распорядителю. Меньше шансов потерять свое место в очереди, если он тебя заметил. К тому же, задавая такой вопрос, ты вроде бы полулегально оказываешься в первых рядах.

– *Десять минут*, – ответил он. В любом другом ресторане это могло означать и час, но здесь, как мы уже знали, персонал работал проворно.

Мэтр на мгновение зашел внутрь, и сквозь запотевшие окна мы увидели, как он крутится возле столика с туристами или, скорее, подгоняет официанта, обслуживающего эту секцию ресторана.

«*Allez*¹⁴, десерт, кофе, счет! Мы не так уж дорого берем, чтобы они просиживали здесь всю ночь».

Мэтр снова вышел на улицу.

– Они думают, где находятся? – бросил он в толпу. – В «Серебряной башне»?¹⁵

Очередь оценила его шутку одобрительным смехом. Ресторан «Серебряная башня» славится тем, что вызывает несварение желудка у компаний, выпускающих кредитные карты.

Официант подал знак из зала, и мэтр снова выкрикнул.

– Шесть! Кто спрашивал столик на шестерых!

Где-то в середине очереди возникло хаотичное движение, и вперед выдвинулась группка. Мэтр пересчитал счастливиц по головам.

– Постойте, вас же только пятеро.

– Да, шестой на подходе, – нашлась женщина, посылая ему блистательную напомаженную улыбку.

– Извините. Только полные столики. Есть еще шестерка? Нет? Кто не против разделить столик? Четверо и двое?

– Двое, – сказал я, обнимая Алексу за плечи в доказательство того, что мы оба на месте.

– *Allez, les deux amoureux*¹⁶, – сказал мэтр, и мы прошли.

Нас окутал теплый запах гратена и умиротворенный гул голосов. По проходу мы шли, испытывая блаженство, как если бы нас допустили в эксклюзивный клуб. В ресторане было не меньше сотни столиков – все занятые, – и они были расставлены длинными поперечными рядами, как в столовой. Впрочем, ничего себе столовая – высокие зеркала в рамах, стены

¹⁴ *Здесь*: давай!

¹⁵ «Серебряная башня» («Ля Тур д'Аржан») – знаменитый ресторан Парижа.

¹⁶ Идите, влюбленная парочка (*фр.*).

расписаны под классический французский сад, над которым висит аэроплан эпохи Первой мировой.

Мы протиснулись на свои места возле низкой деревянной перегородки, и уже в следующее мгновение к нам присоединилась четверка американцев, которых ранее обошли в очереди. *Bonsoir*¹⁷, кивнули они и дружно скинули свои анораки рафтеров. Нетрудно было догадаться, кто с кем в паре, – одни седовласые, у других волосы черные как смоль.

Мы с Алексой заказали аперитив – два *coupes de champagnes*¹⁸ – и, не сговариваясь, перешли на французский, чтобы отвоевать для себя немного интима.

– Посмотри, как они уткнулись в свои путеводители. Готова спорить, они даже не знают, в какую страну приехали, – сказала Алекса.

– Думаю, что знают. В меню сплошь французская кухня...

– Ты понимаешь, что я имею в виду, Пол. Они в полной уверенности, что Париж – это Франция, а Франция – страна художников и шампанского.

Я уж не стал напоминать ей о том, что сама она – фотограф и только что заказала себе бокал шипучки.

– Значит, ты действительно не огорчена тем, что с американской мечтой придется проститься? – спросил я.

– Конечно нет, мне совсем не хочется туда ехать и терпеть их коррупционную систему. И я знаю, что ты найдешь способ расплатиться с долгом и сохранить свою долю в *café*.

Мы чокнулись и выпили за ее оптимизм.

– Э... простите? Мы есть американцы. Вы... э? Перевести меню для нас, если вас можно?

Мы повернули головы и уставились на четыре пары идеально ухоженных трансатлантических челюстей.

Я вступил в диалог, прежде чем Алекса успела проворчать что-либо насчет колонизаторов от культуры, которые не в состоянии расшифровать меню, если в нем нет картинок гамбургеров.

– Чем могу помочь? – спросил я.

– О, у вас такой замечательный английский, – сделала мне комплимент седовласая женщина.

– Мерси, – ответил я, вспомнив о том, что сегодня выступаю в роли француза.

– Где вы его учили? – спросила она.

– По фи-ильмам Олливуда, – сымпровизировал я.

– Вау, это потрясающе. – Жгучая брюнетка захлопала своими густо покрашенными ресницами.

– Да, все, что ни есть из Олливуд-фи-ильм, я говорю с идеальным акцентом. «Давай, сегодня мой день. Это ты мне? *Hasta la vista*, детка»¹⁹.

Убеленная сединами пара с американской половины стола отнеслась к моим словам с некоторым скепсисом, однако брюнетка несколько не усомнилась в просветительской миссии Голливуда.

– А откуда эта цитата: «Чем могу помочь»? – спросила брюнетка.

– «Остин Пауэрс 2»? – рискнул я.

– О, Пол, – вмешалась Алекса. – Не слушайте его, он англичанин.

Прогремел взрыв смеха. Я так и не понял, чем он был вызван – то ли это я удачно пошутил, то ли само английское происхождение изначально комично.

¹⁷ Добрый вечер (*фр.*).

¹⁸ Бокал шампанского (*фр.*).

¹⁹ Цитаты из криминального триллера Клинта Иствуда «Внезапный удар» (1983).

К моему удивлению, Алекса принялась посвящать американцев в таинства меню, терпеливо объясняя, как готовится каждое блюдо, и предупреждая о возможном включении чеснока или незнакомых субпродуктов. Я приходил на выручку, когда объяснения Алексы становились излишне техническими, и, когда вернулся официант, мы все уже были готовы сделать заказ. Он нацарапал свои заметки прямо на бумажных салфетках и снова исчез.

– *Merci, Mam 'sell*²⁰, – сказал парень-брюнет, заставив Алексу слегка поморщиться. Французскую феминистку не следует называть *мадемуазель*.

– Пожалуйста, сэр, – ответила она, еле заметно стиснув зубы.

– Париж – самый красивый город мира, – объявил седой.

– Если не считать Венеции, – не согласилась его жена.

– И Сиднея, – вступила брюнетка.

Седовласый стойко продолжал улыбаться, но в его глазах читался намек на то, что жен неплохо было бы оставить в Америке.

– Я однозначно за Париж, – поддержал его брюнет. – Не думайте, что все американцы – противники французского. Это не так.

– В нашем гольф-клубе в баре подают французскую выпечку, а не датскую, – напонила ему жена.

– И не то чтобы мы были против датчан, – встрял седовласый. – Европа – самый красивый континент мира.

– После Азии, – поправила его жена.

Принесли еду, и мы вернулись в свое интимное пространство. Я спросил Алексу – по-французски, – с чего вдруг она так благосклонно отнеслась к нашим соседям-глобалистам.

– Знаешь, американцы как индивиды могут быть самыми приятными людьми на Земле, – сказала она, – а эти, кажется, искренне хотят узнать как можно больше о французской культуре. Конечно, поучиться есть чему. – В ее реплике был намек на поверхностность американской культуры. – Насколько я поняла, до сих пор самой сложной кулинарной техникой для них остается розжиг барбекю.

– Я думаю, что это... – Я никак не мог подобрать французское слово. – *Un peu*...²¹ несправедливо?

– Ты знаешь, что я имею в виду, Пол. Они рассматривают нашу культуру лишь в качестве туристической достопримечательности. На самом деле их волнует лишь сохранение собственной культуры. Глобализация по-американски...

Ее политический спич был прерван жужжанием мобильного в моем кармане.

– Извини, надо было отключить его, – сказал я. Вытащив телефон, я увидел, что звонок исходит из Лондона. – Наверное, плохие новости насчет работы.

– Ну что ж, ответь тогда, – сказала она.

– Алло? Мистер Уэст? – произнес женский голос с сильным йоркширским акцентом.

– Слушаю.

– О, здравствуйте. Говорит Люси Марш из «Туристических ресурсов». Я вас не отвлекаю?

– Э... видите ли, я в ресторане...

– Прошу прощения, я понимаю, что уже поздно, но я и сама задержалась на работе, потому что нужно успеть укомплектовать ваше досье до конца недели.

– Мое досье?

²⁰ Спасибо, мадемуазель (фр.).

²¹ Немного (фр.).

– Да, мистер Тайлер забыл задать вам несколько вопросов во время интервью. Он должен был протестировать вас на знание Британии.

– Что? Но я *британец*, это записано в моем паспорте.

Алекса смотрела на меня со смесью изумления и тревоги. Со стороны это, должно быть, звучало так, будто я вот-вот лишусь национальности.

– Да, но нам необходимо задать вам несколько вопросов, если вы собираетесь представлять Великобританию за границей. У вас есть пять минут?

– Пять минут? – Я скорее испрашивал разрешения у Алексы, чем обращался к даме из Лондона. Алекса пожала плечами: «Почему бы нет»? – Хорошо, но, пожалуйста, мне лучше выйти на улицу.

Я уже был у двери, когда меня настиг первый вопрос.

– Вы можете назвать имена двух сыновей принца Чарлза и принцессы Дианы?

– Конечно, – ответил я. – Уильям и Гарри.

– Правильно. Хорошо. Можете назвать премьер-министра?

– Если имеется в виду тот, кто был вчера, – произнес я, проскальзывая мимо мэтра во двор.

– *Oh, vous abandonnez votre table?*²² – спросил он.

– *Non, non, une minute*²³, – заверил я его.

Во дворе уже было не протолкнуться, так что ни о какой тишине и покое мечтать не приходилось. Впрочем, какой был смысл в этом разговоре? Тайлер наверняка уже растревожил о моих извращенных привычках переодеваться в женское платье.

Как бы то ни было, премьер-министра я все-таки назвал.

– Правильно, – одобрила Люси. – А вы можете объяснить американцу основные правила игры в крикет?

– Ни в коем случае. – Я уже пытался проделывать такое с французами, но это было равносильно тому, чтобы объяснять, как петь йодлем под водой. Они не улавливали сути.

– Что ж, вам придется попытаться, просто чтобы я смогла заполнить эту графу.

– Хорошо, как вам понравится такой вариант: крикет – это что-то вроде бейсбола, за исключением того, что на поле одновременно присутствуют двое бэттеров и двое пинчеров, и еще игроки в крикет не носят эти глупые никербокеры²⁴.

Двое парней-французов из очереди, слышавшие разговор, недоуменно переглянулись.

– Довольно неплохо, – сказала Люси. – Предположим, я не слышала ваше замечание насчет никербокеров. И наконец, вы можете пропеть первый куплет национального гимна?

– Как? А разве есть и второй?

Она рассмеялась:

– Думаю, должен быть, но одному Богу известно, как он звучит, так что первого будет достаточно. И боюсь, вам придется пропеть его, а не просто продеklamировать.

– Вы что же, нанимаете только тех, кто умеет петь? Разве это не дискриминация по отношению к тому, кому медведь на ухо наступил?

– Мы должны быть уверены в том, что вы не подведете, если вам придется пропеть национальный гимн, – объяснила Люси. – Знаете, как ужасно это выглядит, когда футболистов снимают крупным планом перед началом матча, а они не знают слов.

– Вы так говорите, будто у меня есть шанс получить эту работу. Мне казалось, что я провалил интервью с мистером Тайлером.

²² О, вы покидаете свой столик? (*фр.*)

²³ Нет-нет, я на минутку (*фр.*).

²⁴ Бэттер – отбивающий в бейсболе, пинчер – подающий, никербокеры – широкие брюки, собранные под коленом.

– О нет. Возможно, он вам показался немного... зажатым. Это все из-за... – Люси выдержала паузу, и у меня создалось впечатление, будто она оглядывается через плечо, проверяя, не подслушивает ли кто наш разговор. – Из-за его лекарства. Возможно, поэтому он и не заполнил вашу анкету до конца.

– А...

– И насколько я могу судить, вы в шорт-листе. Вам осталось только спеть, и работа у вас в кармане, уж поверьте мне.

В какой-то момент я почти струхнул. Но я не из тех, кто намеренно срывает интервью, к тому же мне действительно позарез нужны были деньги, поэтому я зажмурился и запел. Довольно тихо, должен признать, так что слышно было только тем двум парням, которые уже посмеивались над моими рассуждениями о крикете, а теперь, наверное, и вовсе решили, что у меня окончательно поехала крыша.

Но тут я услышал, что мне подпевают. Позади французов стояла группка американских студентов в лыжных куртках и шерстяных шапках.

– Боже, благослови Америку! – выводил один из них. Конечно, в 1776 году они вышвырнули наше правительство, но сохранили мелодию нашего национального гимна.

Мне пришлось повысить голос.

– Дай ей ратных побед, – уверенно вывел я, заглушая французов, которые уже разрались «Марсельезой». – Счастья и славы, – завопил я, словно пытаюсь воскресить королеву Викторию. – И долгого царствования над нами. Боже, храни Королеву.

Я удостоился восторженных возгласов со стороны британского контингента и вдруг почувствовал, как ошетинились волоски на моем загривке. Наверное, есть какая-то магия в национальных гимнах. В этот миг больше всего на свете мне хотелось выйти на поле и разбить янки и лягушатников в крикете. Перспектива казалась особенно заманчивой, учитывая, что ни те, ни другие даже не понимали правил игры.

– Ооо, чудесно-о-о, – промурлыкала Люси из Лондона, в то время как другие национальные гимны заглохли ввиду нехватки желающих выглядеть идиотами. – Думаю, вы уже на пути в Америку.

Нью-Йорк В дерьме на Манхэттене

1

Эмпайрстейт билдинг скрылся за горизонтом, и такси, спустившись с высоты хайвея, продолжило путь среди низких домиков из красного кирпича. В этой округе какой-то предпринимчивый делец, по всей видимости, пытался ввести моду на цветные маркизы – во всех домах над окнами пестрели похожие на автомобильные капоты навесы. Изначально они были красными, ярко-синими или ярко-зелеными, и, глядя на них, можно было догадаться, что летом здесь печет не на шутку. Впрочем, сейчас на многих маркизах искрилась ледяная бахрама.

– Что это за район? – прервал я телефонный разговор таксиста. – Верхний Ист-Сайд?

– Вроде того, – ответил он. – Это Бронкс.

– Бронкс? – Для англичанина среднего достатка вроде меня упоминание о Бронксе вызывает в памяти образы гангстеров, расстреливающих боезапасы своих «Узи» друг в друга. Ну, или в прохожих.

– Да.

– Но почему мы едем в Бронкс?

– Такой адрес ты мне дал, приятель.

Я снова уткнулся в распечатку, которую показал ему в аэропорту. Адрес «В & В»²⁵ мне прислали по электронной почте пару дней назад из «Туристических ресурсов». Но Бронкс в нем не упоминался. Был лишь почтовый индекс Нью-Йорка. А я-то, идиот, всегда считал, что Нью-Йорк – это исключительно то, что вокруг Эмпайр-стейт.

– Бронкс? Это же замечательно, Пол! Это настоящая Америка, не то что туристический Манхэттен. – Да, Алекса была со мной. Уже минут через десять после моей интерпретации «Боже, спаси Королеву» она перестала обвинять меня в сотрудничестве с колонизаторами и загорелась идеей американского вояжа, которую, похоже, находила не менее блистательной, чем однажды пришедшая кому-то в голову мысль начинать пончики джемом.

Она объявила о том, что в это время года ей все равно не удастся завершить съемки документального фильма о французском образе жизни. Слишком много сцен связано с весной и летом. С другой стороны, снимать США зимой было куда интереснее. Не будет «голивудской показухи», сказала она, и люди увидят страну такой, какая она есть. Алекса хотела копнуть глубже и обнажить «прогнившее сердце зловещей мировой державы». Хорошо, что «Туристические ресурсы» не стали интервьюировать *ее*.

Я был немало удивлен, когда со мной устроили повторное собеседование, и, признаться, был искренне шокирован, узнав о своих высоких шансах получить работу. Но потом вспомнил, что говорила Люси Марш, – будто я первый в шорт-листе, и, к стыду своему, воспользовался ситуацией. До начала кампании остаются считанные дни, сказал я, а Джек Тайлер даже не смог назвать мне города-участники. Речь ведь идет не просто о работе, а о миссии. И она заслуживала надбавки за риск.

Люси была практичной и прямолинейной йоркширской девушкой, и мы договорились обо всем сразу, по телефону. Жалованье трансформировалось в куда более привлекательный гонорар консультанта; бонус, в случае моего выигрыша, становился не просто жирным, а

²⁵ «В & В» – «Кровать и завтрак».

неприлично жирным; и наконец, самый лакомый кусок – она сказала, что, если дело выгорит, мне будет предложена постоянная работа. Должность главы представительства компании в Париже. Что-то вроде посла туризма, в чьи обязанности будет входить много пить и есть в обществе французских «шишек», а также регулярно наведываться на родину, чтобы на себе опробовать лучшие английские отели и спа-центры. Еще одна тяжкая миссия, но я готов за нее взяться, заверил я Люси.

Так я оказался в Нью-Йорке, и не только с перспективой выплатить долг Франции, но и с девушкой, которая принимала меня за волшебника. Я и впрямь каким-то чудом умудрился достать деньги, организовать поездку по Америке, а будущее манило бесконечной чередой роскошных отелей и водорослевых массажей. Водоросли были бы, наверное, английскими, а не французскими, но Алекса не из тех, кто смотрит дареному коню в зубы.

– Знаешь, Пол, – продолжила Алекса, – в твоём путеводителе есть целый раздел о том, как возрождается Бронкс, обрастая шикарной территорией вокруг университета и лучшими в Нью-Йорке итальянскими ресторанами, но я уверена, что это лишь одна сторона медали. Наверняка найдется много людей, которых выкинули из этого процесса возрождения.

Да, подумал я, и то-то они обрадуются, когда явится молодая француженка с дорожкой камерой и просветит несчастных на предмет их горькой участи.

Наше такси рвануло к северу от статуи Свободы, мимо почерневших голых деревьев и торговых улиц, населенных лишь горожанами в дутых лыжных куртках.

Над нашими головами загрохотал поезд. Значит, метро сюда ходит, подумал я. И принялся утешать себя мыслью о том, что мы задержимся в Нью-Йорке всего на пару ночей. Все, что мне нужно было здесь сделать, так это забрать «мини», чтобы ехать на ней в Бостон, где планировалось мое первое мероприятие. На Манхэттен мы могли отправиться в любое время.

– Приехали.

Таксист остановил машину возле самого большого здания в ряду ухоженных викторианских вилл. Слепительно-белый известковый раствор надежно цементировал красно-коричневую кирпичную кладку. Барочный стиль был представлен гипсовой лепниной над окнами и пышным украшением в виде тиары под плоской крышей. Возле желто-оранжевой парадной двери висела вывеска «Нунтайд В & В», с улыбающимся солнцем и приветствием «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ» крупными буквами.

– Хм... – Алекса не выглядела слишком довольной. Я догадался, что она надеялась на нечто более сдержанное. Впрочем, меня порадовало дружелюбие этого местечка. В конце концов, я приехал сюда, чтобы работать, а не изображать из себя кореша из гангстерской шайки.

Хозяйка была миловидной хиппи средних лет с рыжими косичками и болтающимися в ушах деревянными серьгами. Она представилась как Лори и была «так рада», что нам понравилось ее заведение.

Подхватив багажную сумку Алексы, она устремилась вверх по узкой лестнице, не выказывая никаких признаков физического напряжения и не умолкая ни на секунду.

Наш уютный маленький номер был таким же ярко-желтым, как и вывеска «В & В». Колористика дома, казалось, была продумана с расчетом на противостояние зимней хандре. Возможно, летом его перекрашивали в белоснежный, подумал я, чтобы сбить градус жары.

– О, один момент, – спохватилась Лори, пристраивая сумку Алексы на багажную полку. – Вы ведь женаты? – Она произнесла это с той же лучезарной улыбкой, с какой открыла нам дверь, но я догадался, что вопрос был глубоко серьезным.

– Да, конечно, – солгал я.

– Хорошо, – сказала Лори, обволакивая нас теплом своего одобрения. – Только... – Она подняла свой безымянный палец, украшенный кольцом с бриллиантом в честь помолвки и еще золотым обручальным.

– О да, мы не носим кольца, когда путешествуем, – ответил я. – Они нам слишком дороги. Мы храним их в сейфе дома.

– А... – Лори подмигнула мне, как будто ее бесконечно растрогало такое признание. – Ну, спускайтесь и выпейте чаю, – предложила она и с улыбкой покинула комнату.

– Ты что, с ума сошел? – прошептала Алекса, когда мы остались одни. По-французски, с облегчением отметил я. – Зачем ты соврал? Это же незаконно спать в одной постели, если ты не женат.

– Согласен, но она предпочитает думать, что мы женаты, так что в этом плохого? Самое главное – что мы вместе, не так ли?

– Она должна знать правду.

– Но это ее собственный пансион, а не политический... – Я никак не мог вспомнить французское слово, обозначающее симпозиум или центр идеологической обработки.

– Все в этом мире сплошь политика, Пол, – ответила Алекса, но с улыбкой, подсказывая, что говорит это шутя. Ну или, по крайней мере, полушутя.

Керамический чайник, три кружки, молочник, тарелка с дольками лимона и сахарница были выставлены в жарко натопленной стеклянной оранжерее, пристроенной к задней стене дома. Панорамные окна почти не просматривались за густой тропической листвой.

Лори, сидевшая в желтом плетеном кресле возле низкого столика, жестом пригласила нас занять места напротив.

– Ну, расскажите мне, кто вы, – попросила она.

Алекса, хотя и подумала, что вопрос был поставлен несколько странно, охотно принялась рассказывать о своем документальном фильме.

– Он будет о *настоящей* Америке, – сказала она. – Я думаю, это очень важно, чтобы люди знали правду, не так ли? – Она с вызовом посмотрела на Лори.

– А еще Алекса занимается фотографией, – поспешил добавить я. – Делает в основном портреты.

– Это замечательно, – сказала Лори. – А вы кто, Пол?

Я последовал примеру Алексы и рассказал о своей нынешней работе, не распространяясь о том, что привело меня к такому роду занятий.

– И каков же маршрут вашего путешествия? – спросила Лори.

Я был рад тому, что мог ей ответить. Мне наконец-то удалось заполнить список городов от Джека Тайлера.

– Отсюда мы едем в Бостон, потом спускаемся в Майами, далее в Новый Орлеан и через всю страну на запад, до самого Тихоокеанского побережья. Финальная церемония пройдет в Лос-Анджелесе, – сказал я. – В Голливуде. – Мы с Алексой обменялись улыбками в предвкушении столь радостного события.

– Хм... Голливуд, – проворчала Лори. Похоже, она не была фанаткой кинематографа.

– Мне не терпится поскорее на юг, к солнцу, – сказал я. – Хотя и здесь здорово. Так тепло. – Я воздел руки, отдавая дань восхищения джунглям ее зимнего сада.

Лори тотчас просветлела:

– Это все ради Джо.

– Джо? – Я огляделся по сторонам в поисках попугая.

– Да.

Лори показала на толстую ветку над головой Алексы. Словно по команде, ветка открыла глаза-бусинки и шевельнула длинным хвостом. Как оказалось, это было существо,

напоминающее миниатюрного дракона. Хотя три фута в длину, пожалуй, великовато для миниатюры.

Алекса откинулась назад, неосмотрительно подставляя горло чудовищу, и вскрикнула. Монстр раскрыл челюсти.

– Это всего лишь божья тварь, моя дорогая, не бойтесь, – сказала Лори, когда Алекса нырнула за спинку моего кресла.

– По мне, так он выглядит устрашающе, – заметил я. – Кто это?

– Игуана. Мой муж работает в аэропорту Кеннеди, и мы спасли беднягу от контрабандистов. У Джо гораздо больше поводов для страха, чем у нас.

Алексу это не убедило. Мы поменялись местами, и Алекса больше не сводила глаз с мерно дышащего брюха красавца Джо.

– А теперь давайте пить чай, – объявила Лори и начала разливать чай. – Лимон? Молоко? Сахар? – Когда все чашки были наполнены, она одарила нас самой теплой улыбкой и совершенно непринужденным тоном произнесла: – Думаю, нам следует поблагодарить Господа за этот чай и за то, что все мы сейчас в безопасности. – Она закрыла глаза и вознесла руки в молитве Всевышнему. – Боже, мы бы хотели...

– Простите меня. – Алекса поднялась и вышла из комнаты.

– У нее легкая аллергия на рептилий, – объяснил я Лори. – Пойду посмотрю, все ли с ней в порядке.

– Мы здесь не останемся, – прошипела Алекса, совсем как Джо. Она сидела на кровати в нашей комнате. – Мало того что в ее доме живет тираннозавр, так она еще и сама динозавр. *Вы женаты? Давайте поблагодарим Бога за этот чай.* – Алекса спародировала загробные интонации Лори.

– Это всего лишь на две ночи, – сказал я.

– Нет, я отказываюсь благодарить Бога за чай. Мы должны благодарить индийскую женщину, которая собрала этот чай, чтобы прокормить своих детей, которые голодают из-за того, что американцы сбивают мировые цены на этот продукт. Благодарить Бога? Ха!

Я совсем забыл, какими глубокими атеистами бывают французы. Для Алексы даже исполнение рождественского гимна было равносильно тому, чтобы поцеловать епископа в задницу.

– Какая тебе разница? – спросил я. – Просто спустись вниз, позволь ей вознести молитву, и мы спокойно выпьем свой чай.

– Нет, она не будет навязывать мне свои взгляды.

– Если бы мы были в Африке, тебя бы не покорило то, что местные исполняют свои ритуалы? Ты бы подумала, что это *фольклор*, как вы, французы, выражаетесь. Американцы более религиозны, чем вы, вот и все. Помнишь, что я говорил на собеседовании? «Ты должен верить». Так они здесь считают.

Алекса отказывалась двинуться с места:

– Ты мой бойфренд, Пол, ты должен уважать мои чувства, а не ее, верно?

– Я уважаю твои чувства, Алекса. Просто... – Я не знал, как дипломатично объяснить ей, что она раздувает из мухи слона.

– Здесь полно таких пансионеров. – Алекса уже листала наш толстенный путеводитель по Америке.

– Ты действительно всерьез настроена на то, чтобы уехать?

– Да. Где твой телефон? Я обзвоню ряд гостиниц.

Но у меня появилась идея получше. Я принялся просматривать список своих американских знакомых в поисках ангела-хранителя, который когда-то помог мне решить жилищную проблему – предоставив кровать с завтраком и всем остальным в промежутке.

2

Мне не сразу удалось разобраться, что же так изменилось в Элоди с тех пор, как я в последний раз виделся с ней в Париже.

Она по-прежнему была блондинкой, все так же убирала волосы в конский хвост, а ее манера говорить и смотреть на собеседника намекала на то, что она или только что закончила заниматься сексом, или готовится к нему. А может, и то, и другое.

Элоди вовсе не была вульгарной, просто невероятно просвещенной в этом вопросе. Я видел ее в действии. Ей достаточно было встретиться взглядом с парнем, в течение микро-секунды обменяться с ним информацией и тут же дать ему оценку – озабочен, сексуальный, но гей, неуклюжий, но, может, стоит попробовать или... хм... неплох, и если он сделает шаг навстречу, я не против.

И все это в возрасте двадцати четырех лет. По-моему, это что-то говорит о французской системе образования!

Когда она стремительно вошла в закусочную в Верхнем Ист-Сайде Манхэттена, где мы договорились встретиться, меня не миновал ее аналитический взгляд. У нас с Элоди были определенные, скажем так, физические контакты в прошлом, и сейчас она явно прикидывала, изменился ли я с возрастом в лучшую сторону или, наоборот, захирел. Но сделать окончательный вывод она не успела, потому что увидела Алексу и, казалось, отключила свой секс-радар из уважения к старой знакомой.

Мы все расцеловались и обнялись, и Элоди повесила свою куртку на вешалку.

Вот тогда я и понял, что в ней изменилось. В Париже она обычно одевалась в шикарные американские или итальянские бренды. Но здесь она могла бы преуспеть в качестве посла французской моды. Рыжевато-коричневая куртка от «Аньес Би», оранжевый свитер от «Кок Спортиф», джинсы «Шевиньон». Казалось, Элоди играла роль истинной французской мисс – каковой, собственно, и была – на годичной стажировке от парижской бизнес-школы. За этот год ей предстояло изучить все законы американского бизнеса, после чего вернуться домой и наблюдать за тем, как эти законы разбиваются о рифы французских забастовок и монополий.

– О, Пол, ты звонишь мне, только когда тебе негде жить, – сказала Элоди.

Спешу внести ясность: мы познакомились с ней, когда я работал на ее отца, Жан-Мари. Тогда я подыскивал себе жилье в Париже, но попадались лишь замызганные клетушки.

Я ввел ее в курс дела, рассказав, где мы с Алексой остановились и почему сбежали. Бежать пришлось на метро. Отыскав ближайшую станцию сабвея, мы минут пятнадцать прождали поезда, едва не окоченев от холода. Все десять остановок до Верхнего Ист-Сайда пассажиры вагона тарасились на нас, явно недоумевая, что здесь забыли эти двое туристов – наверняка перепутали поезд на аэропорт Кеннеди.

– Судя по всему, вам требуется сытный американский завтрак, – заключила Элоди. – Выбирайте, что хотите, здесь все вкусное. – Наряду с новым французским видом она приобрела американский акцент и ту громкость голоса, которая подчеркивала исключительную важность каждого произнесенного ею слова.

Мои биологические часы никак не могли разобраться, что же мне хочется съесть. Пока я пытался сделать выбор между *порриджером* (или овсянкой), двойным чизбургером с фри и сливочным мороженым с горячей шоколадной глазурью, невысокий парнишка в белой рубашке с логотипом закусочной подошел к нашему столику и налил нам воды. Кажется, это была греческая закусочная, но обслуживали здесь сплошь мексиканцы, на лицах которых лежала печать наследия инков.

– Я бы предложила вам остановиться у меня, – сказала Элоди, – но есть один деликатный момент. Я присматриваю за домом одного парня, а он сейчас как раз вернулся.

- Ты присматриваешь за домом даже в его присутствии? – спросил я.
– Да. Это большая квартира. И принадлежит она Клинту Хайвею.
– Кому?

Алекса и Элоди расхохотались и объяснили, что речь идет об одном из старых французских рокеров, которые начинали свою карьеру с того, что меняли имя с Жан-Клода Дюпона или Жака Леклерка на более или менее американское и перепевали англоязычные хиты. Первой записью Клинта была французская версия песни «Земляничные поля»²⁶, которую назвали «Я – клубничный пирог». Либо французский переводчик оказался халтурщиком, либо он принимал те же наркотики, что и Джон Леннон, но в куда больших количествах.

– А что случилось с Клинтом? Он как-то внезапно исчез, – спросила Алекса. – И слава богу, конечно.

– Он по-прежнему записывается, но да, ты права, его практически не видно и не слышно. Дело в том, что с ним произошел... э... несчастный случай. – Элоди, казалось, стало неловко за своего хозяина. – Впрочем, вы сами все увидите. Я отвезу вас к нему, пока мы не решим с вашим отелем.

В конце концов я проглотил и овсянку, и двойной чизбургер с фри, и мороженое с глазурью. Желудок расперло так, будто во мне надулся спасательный жилет.

Я заметил, что никто из посетителей закуской не наедался, как я. Один из официантов принимал заказ у четверки худых, как щепки, дам в дизайнерских спортивных трико.

– Роголик с кунжутном, поджаренный, со сливочным сыром, – произнесла темноволосая королева аэробики, выдавая по слову в минуту, словно парень был законченным придурком.

– Я могу рассчитывать на *латте*? – спросила ее подруга, выжидательно глядя на официанта, будто сомневаясь в том, что столь экзотические напитки уже просочились в эту часть города.

Никто из них не сказал ни «здравствуйте», ни «пожалуйста». Я подумал о том, что, возможно, жители Нью-Йорка так уверены в своих правах потребителей, что не считают уместной вежливость.

Элоди проследила за направлением моего взгляда:

– Они все приходят сюда пообщаться после фитнеса, а потом идут домой, смотреть, как няня кормит из бутылочки их малышей, – пояснила она. – Это коренные жители Верхнего Ист-Сайда. Всё, пошли поищем вам отель. – Она протянула руку, словно хотела выхватить кофейник у проходящего мимо официанта. – Чек?²⁷

Мне показалось, что парень сейчас ответит: «Нет, мексиканец, но спасибо, что спросили».

²⁶ Песня «*Strawberry Fields Forever*», записанная группой «Битлз» в 1967 году.

²⁷ *Check* (амер.) – счет; *Czech* – чех.

3

Элоди вывела нас на оживленную авеню, залитую солнцем, которое щедро светило с безоблачного неба. Именно таким я и надеялся увидеть Нью-Йорк. Обшарпанные кирпичные здания с шикарными магазинами на первом этаже, высотные жилые дома с коробками кондиционеров, похожими на маленькие холодильники, разметанные по фасаду Супермаркетом. И повсюду были люди, толпы людей, которые перемещались с удвоенной скоростью, возможно, из-за холодного ветра, который так и норовил обкусать носы. Половина мирового парка такси в панике мчалась на юг, словно в надежде на то, что в центре города будет теплее.

Мы поволокли свои чемоданы на квартиру Элоди, и по дороге она показывала нам, как США – ну, или хотя бы эта часть Манхэттена – повторно колонизируются Францией, спустя двести лет после того, как французы продали свои последние территории на американском континенте молодой республике.

Пройдя всего три квартала, мы успели увидеть два бутика французских модных домов, один французский магазин детской одежды, французскую парикмахерскую, французскую булочную и кондитерскую, где коробки конфет были выложены, словно скульптурные композиции в Музее современного искусства (да и в цене они не уступали экспонатам такого музея). И это не считая двух маленьких галерей с полотнами Матисса и Пикассо в витринах.

– Вот видишь, – сказал я Алексе, – Америка не единственная страна, которая осуществляет экспансию.

– Да, но Франция делает это с помощью Матисса, а не «Макдоналдса».

Американцы, которых я встречал в Париже и Лондоне, всегда пытались уверить меня в том, что у них построено бесклассовое общество, но, глядя на дом, в котором обитала Элоди, в это верилось с трудом. Этот особняк не имел ничего общего с теми многоквартирными трущобами, которые мы видели, возвращаясь из Бронкса. Начать с того, что он великолепно просматривался с высот Центрального парка. Фасад был богато украшен каменной кладкой в стиле ар-нуво, и длинный зеленый навес тянулся от парадной двери прямо до тротуара. Предполагалось, что сюда заезжают на лимузинах, а не тащат свой багаж волоком, как это делали мы.

Швейцар в униформе бросился открывать тяжелую дверь в медной раме. Это был пожилой мужчина с зализанной прической в стиле Элвиса, и нас с Алексой он смерил таким взглядом, будто мы, молодые скваттеры, собираемся заночевать на белом мраморном полу его холла.

Элоди величественно проплыла мимо него, бросив на ходу, чтобы он помог Алексе с багажом.

– Дай ему доллар, когда подойдем к лифту, – сказала она мне по-французски.

Квартира Элоди на четвертом этаже была, как она и предупреждала, «довольно большая». Одну стену гостиной, отделанной деревянными панелями, занимал телевизор размером чуть меньше, чем в кинотеатре, а темные коридоры, разбежавшиеся во все стороны, казалось, тянулись до Бруклина.

Я уже собирался спросить, как это ей удалось повернуть такую фантастическую сделку по присмотру за домом, когда вдруг передо мной возник гном и ответил на все мои вопросы. На вид ему было лет двести, пяти футов ростом, с лицом, словно полированный грецкий орех, и в светлом парике, убедительном, как бутылка «*Channel Number 5*»²⁸ китайского разлива. Похоже, это и был рок-звезда по имени Клинт. Наряженный в мундир

²⁸ Искаженное название духов.

наполеоновского генерала, он, очевидно, представлял французскую интерпретацию стиля «Битлз» года этак 1967-го.

– Эллоу, бэб, – проскрипел он, и Элоди нагнулась, чтобы позволить ему впихнуть свой язык в ее рот. Мы с Алексой переглянулись. Нам уже было понятно, в чем заключался смысл сделки «по присмотру за домом». Видимо, дом был не единственным объектом ее внимания.

Клинт равнодушно кивнул в мою сторону, но Алекса, кажется, возбудила его. Раздувая ноздри, он ринулся в атаку.

– Эй, бэб. Ты развлечься? – распустил он слюни.

– *Non*, Клинт, – по-французски сказала Элоди. – Это не то...

– А... – Клинт разочарованно поджал губы. Похоже, прояснилась еще одна из хозяйственных обязанностей Элоди. Она поставляла ему девочек для развлечений.

– Моим друзьям нужен отель, – продолжила Элоди по-французски. – Тот номер, что держит для тебя студия звукозаписи. Можно там пожить?

– Студия звукозаписи? – Клинт нахмурился, добавив себе морщин, в попытке вспомнить, где он уже слышал подобную фразу.

– Да. Я имею в виду номер в «Челси».

– А, «Челси»? Да, точно. Кутить! – Его язык уже предвкушал порцию алкоголя.

– Нет, Клинт. Они просто *amis*²⁹, – сказала Элоди. – Им нужно где-нибудь остановиться. Никаких кутежей, Клинт. Не волнуйся. – Это она уже добавила, обращаясь ко мне. – Мы сейчас все уладим. Знаешь, отель «Челси» славится тем, что там английские рок-звезды убивают своих подружек. Отличное начало вашего американского турне. Кстати, а что вы собираетесь здесь делать?

Она усадила нас на кухне размером с железнодорожный вокзал, и я посвятил ее в подробности своего трудоустройства, конкурса на звание столицы мирового туризма и шансах пережить в Америке нечто похожее на приключения героев фильма «Ограбление по-итальянски».

– И в каких городах вы будете? – спросила она.

Я перечислил, и Элоди повторила этот список, словно запоминая.

– А что за промоушн-акции ты должен организовать?

– Ах, это... – Тут я стушевался. Дело в том, что Лондон так и не сумел мне толком объяснить, что я должен делать в каждом городе. Детали все еще утрясаются, сказали мне, но беспокоиться не о чем. В проведении мероприятий мне будут помогать местные партнеры, и всю необходимую информацию я получу заранее. Хотя мне казалось, что сорок восемь часов – срок предельно сжатый для подготовки к Бостону.

– Что, секреты Ее Величества, да, Пол? – поддразнила Элоди.

– Пока да, – соврал я.

– Ну, когда будешь готов раскрыть карты, может, пришлешь мне приглашение? Я с удовольствием приеду. Особенно в Майами – в это время года там чудесно.

– Хорошо, договорились. – Меня тронуло это проявление солидарности, тем более со стороны той, кто теоретически состоял в команде противника.

Сделав пару телефонных звонков, Элоди сообщила нам, что номер в отеле будет готов после ланча. Похоже, накануне там проходило что-то вроде вечеринки, на которой Клинт был приглашенной звездой, и ее последствия до сих пор не были ликвидированы.

Элоди предложила нам оставить багаж в квартире – незакрытым, на случай если Клинт попытается отстрелить замки. Она рассказала, что соседи уже подавали на него в суд, когда однажды он с помощью своего «магнума» расправился с упрямой дверцей холодильника и

²⁹ Друзья (*фр.*).

пули прошили стену, раздробив соседскую коллекцию сервировочных блюд в форме рыбок. Все это было сделано ради того, чтобы достать бутылку шампанского. Если бы ему пригрезилось, что в наших сумках спрятаны наркотики, он бы вполне мог воспользоваться ручной гранатой.

Мы договорились встретиться в «Челси» ближе к вечеру. Элоди собиралась в Колумбийский университет на семинар. Она осваивала магистерский курс «Управление в условиях чрезвычайных ситуаций и стихийных бедствий».

– Это что, помощь беженцам при наводнениях и ураганах? – спросила Алекса.

– Да, что-то вроде этого. – Элоди вновь блеснула своим американским акцентом. – Знаешь, беженцы после любых катастроф – это самый привлекательный рынок, который только можно себе представить. Федеральное правительство на самом деле не слишком заинтересовано в них, так что для бизнеса открываются неисчерпаемые возможности.

Можно было не сомневаться, что оппортунистические гены Жан-Мари передались и его дочери.

Мы приняли предложение Элоди подвезти нас на машине. Мне нужно было в Гарлем, который как раз по пути. Алекса решила отправиться в университет, чтобы взять интервью у студентов на предмет их отношения к тому «урону, который наносит всему миру американская внешняя политика». Что ж, подумал я, если ее арестуют за подрывную деятельность, по крайней мере, в «мини» останется больше места для багажа.

Автомобиль, который подкатил к подъезду, оказался черным лимузином – не самым длинным, но все-таки «линкольном», – за рулем которого сидел шофер в темном костюме.

– Я записываю это на счет Клинта, – сказала Элоди, когда я присвистнул от восхищения. – Он не помнит, когда ванну-то принимал, не говоря уже о поездках на автомобилях.

По дороге она рассказала нам трагическую историю своего приятеля.

Еще лет десять назад он, как и все стареющие французские звезды, сколотил состояние на телеинтервью, которые транслируют на французскую аудиторию каждый субботний вечер. Это что-то вроде программы, в которой истеричный ведущий представляет клипы из старых телешоу, а потом заставляет полуживых звезд исполнять под фонограмму свои хиты или читать анекдоты по подстрочнику.

Но потом у Клинта родилась новая идея, и он решил организовать свой тур-возвращение во Францию, и вот там-то все и случилось. Во время исполнения на бис хита «Я – клубничный пирог» ностальгирующая аудитория подняла вверх зажигалки и начала размахивать ими в воздухе. О том, что произошло дальше, ходят разные мнения. Кто-то говорит, что, будучи в темных очках и накачанный наркотиками, Клинт оступился и свалился в толпу вниз головой. Другие утверждают, что он попытался исполнить нырок со сцены. Как бы то ни было, он упал прямо в толпу, от пламени зажигалок его парик загорелся, а перепуганные фанаты стали перекидывать парня, пока он не приземлился на сцене, где его и потушили подоспевшие техники. От ожогов третьей степени его спас густой макияж, который запекся и защитил кожу.

Однако, когда с него сняли опаленный парик и спекшийся грим, рок-звезда выглядел как маринованный грецкий орех. Даже французское телевидение не приглашает таких экзотов на свои прайм-тайм шоу. Так что теперь, как сказала Элоди, Клинту остается лишь записывать случайные песенки, но живет он – кстати, очень комфортно – на роялти от исполнения того самого «Клубничного пирога»... на французском радио. К счастью для него, земляничные поля действительно остались с ним навсегда.

4

Я был разочарован, когда адрес в Гарлеме привел меня вовсе не к выставочному залу автомобильных новинок, сверкающих своими полированными боками в неоновых огнях.

На самом деле адрес и вовсе никуда не привел, поскольку указанного в нем дома попросту не существовало, он исчез. На месте снесенной постройки расположилась типичная американская автостоянка, которая была забита под завязку, и только эксперту в кубике Рубика было по зубам извлечь из этого хаоса хотя бы одну машину. Посреди бескрайнего автомобильного поля стояла деревянная будка.

Я заглянул в дверь. Мне открылась крохотная, ярко освещенная жилая комната с плюшевым креслом-качалкой, радиатором и телевизором. Место семейных фотографий и вазочек занимали рекламный плакат с изображением девушки, которой с трудом удавалось удерживать свои огромные груди, так и норовящие выпасть из лифа купальника, и несколько одинаково огромных связок ключей от автомобилей.

– Мест нет, – раздался голос у меня за спиной. Парень, похоже, не очень-то жаловал любопытных, сующих нос в его каморку. Это был афроамериканец в камуфляжной парке с усталым выражением лица. Капюшон обрамлял его физиономию пушистым мехом, но от этого парень не выглядел более мягким и приветливым.

– Извините, на самом деле я не ищу парковочное место. Я надеялся узнать у вас, где я мог бы найти «мини», которую мне предстоит забрать завтра...

Уже на середине фразы до меня дошло, что парень ни черта не понимает, о чем речь. Мы, южные бритты, считаем, что говорим на «чистом» английском, без акцента, но это, разумеется, не так. И сторож с парковки явно был сбит с толку моей чрезмерной вежливостью. Он никак не мог понять, почему я извиняюсь за беспокойство, вместо того чтобы перейти сразу к делу. Возможно, именно поэтому жители Нью-Йорка ограничивают свои вопросы рвякающими односложными словами вроде «Латте?» и «Чек!».

У него был ярко выраженный (во всяком случае, на мой слух) гнусавый гарлемский говор, который он тоже, наверное, считал чистым, без акцента. Я заметил, что мы оба одинаково обескуражены ходом нашей беседы.

– Фа ди да ра ла тата ха ха «мини»? – спросил я.

– Банг ланг нанг бо санг каранг «мини», – ответил он.

– Ээ, попо фруфру лулу «мини»? – продолжил я.

– Кам а хам дам мазафакинг бундонг «мини», – заключил он, и мне стало ясно, что он хотел зайти в будку, чтобы не стоять на холоде.

– Нет, взгляните, вот адрес. – Я зачитал ему то, что значилось в моей бумажке.

– О, да вон там, видишь? – Он показал на дальний конец стоянки.

– А, спасибо, – сказал я, но понял, что обращаюсь к уже закрытой двери его теплой хижины.

Теперь-то я разглядел в этом бескрайнем море машин некое подобие тропки. Она упиралась в темно-красную раздвижную стенку, из-под которой пробивался оранжевый свет. В стенке был вырезан узкий вход. Я постучал и осторожно распахнул дверь. И снова меня охватили сомнения и нехорошее предчувствие. Чем можно заниматься в мастерской на месте разрушенного дома в Гарлеме? Разборкой краденых машин? Продажей оружия по дешевке? А может, производством кокаина?...

Понятия не имею, как выглядит кокаиновая фабрика, но оборудование явно не тянуло на аппарат по производству наркоты. Можно было бы, конечно, изловчиться и спрятать кокаиновую печь внутри «кадиллака» с откидным верхом цвета «синий электрик». Да и запасов порошка из толстой черной шины, прислоненной к стене, хватило бы не на одну сотню

самокруток. Но все-таки это была автомастерская – заплеванной, промасленной и пропахший краской гараж, который сейчас сотрясали звуки рэпа и удары молотка.

– Алло? – выкрикнул я.

Грохот стих, и из-за багажника «кадиллака» показался коренастый чернокожий коротышка с болтающимися на шее защитными очками.

– Привет, – сказал я. – Меня зовут Уэст. Я ищу... э... извините, вы понимаете, о чем я говорю?

– Понятия не имею, – ответил он. – А о чем вы говорите?

Хороший вопрос, подумал я, и задан с вполне понятным акцентом.

– Прошу прощения, взгляните. – Я передал ему клочок бумаги с адресом. Он нахмурился, очевидно сбитый с толку рекламным призывом, набранным на листке: «Присоединяйтесь к нашей акции „Авиамили“ и выиграйте две бесплатные ночи в роскошном отеле».

– Насчет «мини», заказанной «Туристическими ресурсами» Британии? – спросил я. – Для Пола Уэста?

– А, да. – Он рассмеялся, явно испытывая облегчение от того, что этот иностранец не приглашает его разделить с ним роскошный номер на две ночи. Коротышка представился Дуайтом. – Извини, Пол, но твоя «мини» еще не готова. Я не знал, что на ней рисовать. А подтверждение пришло только что.

– Рисовать? Я думал, что ты просто проведешь техобслуживание, прежде чем я заберу ее.

– Нет, я должен нарисовать на крыше английский флаг. Они собирались прислать мне цветовую схему и все такое. Но я получил это только сегодня утром.

У меня перед глазами всплыла физиономия Джека Тайлера. Он злобно хихикал с веб-сайта «МиллионСпособовРазозлитьПолаУэста.com».

– Черт! – До моего выезда в Бостон оставалось менее двух суток.

– Послушай, никаких проблем, – успокоил меня Дуайт. – Я примусь за твою машину, как только управлюсь с «кади». Все будет готово вовремя. Тебе ведь только раскрасить?

– Да, думаю, что да.

– Я почему спросил? Если хочешь, я могу еще какую-нибудь английскую муру изобразить. Как ты смотришь на то, чтобы покрыть двери искусственным газоном и прикрепить крикетные мячи? Или нет, я лучше впечатаю мячи в дверцу, как будто тебе их только что забили.

– Ты рубишь в крикете? – спросил я.

– А как же! Я ведь из Бруклина. А там ребята из Вест-Индии держали крикетный клуб. Ух, как они громили английские команды.

– И ты знаешь правила игры?

– Не-а... – ответил он. – Зато я знаю, что ребята из Вест-Индии просто *обожают* лупить мячами англичан. Чем вы их так разозлили во время колонизации? Да, старик, они точно врезали бы тебе по башке. – Насколько я мог судить, правила игры в международный крикет он знал назубок.

5

«Челси» нависал надо мной кроваво-красным готическим исполином. Я был наслышан об этом отеле, где когда-то останавливался Хендрикс³⁰, а Сид Вишес³¹ якобы прирезал свою подружку, но я не думал, что он уж до такой степени зловещий.

Заведения на первом этаже здания намекали на эксцентричные привычки постояльцев – бутик винтажных гитар, кабинет акупунктуры, салон татуажа и, как ни странно, магазин рыболовных снастей.

Мемориальные доски при входе в отель цитировали высказывания знаменитых богемных гостей или просто напоминали о них. На одной из них я прочел: «Отсюда Дилан Томас³² уплывал навстречу смерти». Очень обнадеживающе.

В холле отеля первое, что бросилось в глаза, – толстая дама, болтающаяся под потолком. Нет, это была не эксцентричная гостья, а выполненная в натуральную величину скульптура. Лобби можно было смело назвать художественной галерей – ярко-желтые стены были увешаны современными портретами и полотнами абстракционистов. Впечатление усиливала пара готических погребальных урн на каминной полке – видимо, они напоминали о том, что смерть не помеха тому, чтобы зависать в «Челси».

Люди (по большей части живые) утопали в креслах, уткнувшись в раскрытые на коленях компьютеры. Никаких признаков Алексы и Элоди, но это было объяснимо – я пришел вовремя, а они были француженками.

Я снял шарф, перчатки, шляпу, три-четыре слоя верхней одежды и уселся ждать в одном из кресел. Никто меня не беспокоил, хотя лэптопы, казалось, недоумевали, как это я могу общаться с внешним миром, не имея при себе компьютера. Я сделал вид, будто печатаю на рукаве рубашки, просто чтобы они задержались при мысли о том, что их лэптопы – уже вчерашний день, но потом мне это наскучило, и я зарылся в кресле и закрыл глаза.

Очнувшись, я увидел, что Алекса стоит надо мной, усмехаясь, и снимает мое спящее тело на видеокамеру.

– Вот вам типичный пример динамичного англичанина, который пересек Атлантику в погоне за своей мечтой, а вместо этого грезит об английском пиве и обнаженных женщинах на пляже. Где машина, *chéri*³³?

– Она еще не совсем готова.

– И когда она будет *совсем готова*?

– Перед отъездом в Бостон.

– А ты выяснил, что за мероприятие намечено в Бостоне?

– Нет, это следующий пункт в моем списке.

– После сестры.

– После мозгового штурма с закрытыми глазами, да.

Мы загрузили свои вещи в номер, и Элоди повезла нас в город, во вращающийся бар. Я имею в виду не тот мини-бар, что начинает крутиться, стоит тебе протянуть руку за стаканом. Нет, это было панорамное заведение, откуда открывался идеальный вид на город, если только у посетителей хватало терпения дожидаться, пока будет пройден полный круг. В

³⁰ Хендрикс, Джимми (1942–1970) – американский гитарист, певец и композитор.

³¹ Вишес, Сид (1957–1979) – британский музыкант, участник панк-группы *Sex Pistols*.

³² Дилан, Томас (1914–1953) – валлийский поэт, драматург, публицист, скончался на Манхэттене.

³³ Дорогой.

общем, это была шикарная мобильная версия наблюдательной точки на крыше, и располагалась она на пятьдесят каком-то этаже отеля.

Полный круг бар совершал за час, и, пока мы выпивали, нам удалось два раза полюбоваться видом на знаменитые небоскребы: сначала перед закатом и потом – когда небо почернело и городская иллюминация обрушила на башню все многоцветье своих огней.

Алекса была оживленной, как игристое вино «Лонг-Айленд», которое оказалось вкуснее, чем некоторые сорта настоящего французского шампанского. Она рассказывала о том, что ей удалось снять в Колумбийском университете, о молодых американских студентах-идеалистах, которые разделяли ее резко критическое отношение к НАТО. Ей даже удалось найти «левых» единомышленников, которые верили в перераспределение богатства и прочие чуждые американцам идеи.

– Мы во Франции привыкли думать, что американцы рождаются капиталистами, – сказала Алекса. – Нам даже в голову не приходит, что здесь могут существовать социалисты.

– О да, в США полно социалистов, – отозвалась Элоди. – Человек сто в Нью-Йорке, полсотни в Сиэтле – экосоциалисты – и, пожалуй, один в Гарварде, в Музее политических наук. – Политические взгляды Элоди были окрашены унаследованным от отца полным отсутствием всяких принципов, за исключением самоутверждения.

– Кстати, а как поживает Жан-Мари? – спросил я.

– Ха, это самое смешное! – расхохоталась Элоди и едва ли не залпом осушила свой бокал вина, хотя мой вопрос лично мне не показался таким уж остроумным. – Сегодня я звонила отцу, – произнесла она, откашлявшись от пузырьков, – и он рассказал мне обо всех твоих проблемах с французским правительством. Это правда, что тебя могут упечь за решетку?

Алекса посмотрела на меня так, словно я утаил от нее страшную правду.

– Нет, все это ерунда, – ответил я со всей категоричностью, на какую оказался способен. – Мне просто выписали какой-то глупый штраф, но я смогу заплатить его, заработав на этом американском контракте.

– Насколько я знаю, там идет речь о *больших* деньгах, – заметила Элоди.

– Да, но я их достану.

– Почему бы тебе не занять у моего отца?

Я чуть не поперхнулся арахисовым маслом. *Занять у него?* Да я бы предпочел быть должником российских акул бизнеса. Кто действительно был похож на настоящую акулу, так это Жан-Мари – вроде бы всегда с улыбкой, но его челюсти готовы растерзать тебя в клочья. Прежде чем он выкупил долю в моей чайной, я работал под его началом в парижской пищевой компании и из опыта общения с ним вынес ценное правило: никогда не впадать в долговую зависимость – финансовую или моральную – от мсье Жан-Мари Мартена!

– Нет необходимости, я сам заплачу штраф, – повторил я в надежде закрыть тему.

– Но если я правильно понимаю, ты должен выиграть этот конкурс, чтобы получить много денег, так? – Как я и предвидел в тот день, когда у меня состоялся разговор с Бенуа в чайной, за сочувствием Элоди стояло желание вонзить в меня нож и наблюдать, как я буду корчиться от боли.

Алекса внимательно смотрела на меня, ожидая ответа.

– Конечно, – сказал я. – Если Британия выиграет, я смогу сразу же расплатиться с долгом.

– Но ты до сих пор так и не узнал, что за мероприятия тебе предстоят? – спросила Элоди.

– Нет, но узнаю, не переживай.

– Может, тебе стоит позвонить и спросить, – предложила Алекса, невольно втягиваясь в игру под названием «Давай позлим Пола».

- Позвоню завтра утром, – произнес я с терпением, достойным далай-ламы.
- Почему бы тебе не позвонить прямо сейчас? – не унималась Элоди. – Ты можешь оставить им сообщение с просьбой срочно переслать тебе информацию.
- Прошу прощения, милые дамы, – сказал я. Чтобы сдержаться и не наорать на дочь французского босса, которая вечно сует свой хорошенький носик в чужие дела, я отправился искать убежище в туалете.

Попав в ярко освещенную туалетную комнату, я обнаружил, что успел опьянеть от головокружительного коктейля алкоголя и джет-лэга³⁴. Конечно, я был не настолько плох, чтобы описаться на свои или, не дай бог, чужие ботинки. Но достаточно навеселе, чтобы вступить в диалог с дверью туалетной кабинки.

Пожалуй, следует кое-что объяснить.

Я знаю, что это совсем не сексуально, но, будучи в подпитии, я иногда сажусь на унитаз, чтобы облегчиться. Это гораздо безопаснее для всех. Начать с того, что не нужно прицеливаться, можно не опасаться, что случайно обдашь кого-нибудь струей, и, что немало важно, в положении сидя ты снимаешь лишнюю нагрузку с ног.

В этом туалете все располагало к тому, чтобы сесть на унитаз, потому что здесь были одноразовые покрытия для сиденья. Оставалось лишь разобраться, как извлечь их из диспенсера, разложить где надо, а потом попытаться пробить дырку так, чтобы не окунуть кулак в воду. Но после четырех или пяти попыток, сопровождавшихся легкой бранью, мне удалось застелить сиденье, и процесс мочеиспускания оказался куда приятнее, чем во всех других барах, где мне доводилось бывать.

Беда в том, что, уже устроившись на стульчаке, я обратил внимание, что дверца кабинки доходит лишь до уровня коленей. Любой коротышка мог заглянуть снизу и увидеть, чем я тут занимаюсь. Интересно, в чем смысл этой затеи – неужели кому-то из американцев необходимо «поделиться своим туалетным опытом»? Или это еще одна версия групповухи?

И тут я заметил, что на меня взирает седовласая супружеская пара, сверкая в улыбке белоснежными зубными протезами. Мужчина во фраке, женщина в длинном вечернем платье, они вальсировали. Мне хватило ума догадаться, что это не входит в развлекательную программу туалета. Это был всего лишь рекламный плакат, вопрошающий крупными буквами: «А вы испытываете проблемы с ЭРЕКЦИЕЙ?»

– Нет, пока еще нет, – сообщил я двери. – Но если вы будете на меня тарашиться, боюсь, они возникнут.

– Вы там в порядке, сэр? – спросил низкий мужской голос.

Под дверью я разглядел пару крепких щиколоток в блестящих черных ботинках.

– Уходите, – сказал я ногам.

– Сэр? – В дверь уже стучали.

– Вашей Конституцией не предусмотрено право человека на несколько минут покоя в туалете? – спросил я.

– Вы там один, сэр? – спросил голос.

– Нагнитесь и сами посмотрите.

– Прошу прощения, сэр?

– Я сказал «да, один» и намерен пробыть в этом состоянии еще какое-то время.

– Хорошо, я подожду в коридоре, – ответил он, и ботинки удалились. И на том спасибо, подумал я.

Когда я вышел из туалета, то увидел маячившего рядом охранника, крепкого парня в коричневом блейзере с «уоки-токи» на лацкане. Я уже хотел сообщить ему о странном парне,

³⁴ На сленге путешественников так называется разница во времени.

который бродит по мужскому туалету, но отвлекся – меня озадачило очевидное отсутствие в баре Элоди и Алексы. Они попросту исчезли.

Охранник, должно быть, заметил, что я собирался обратиться к нему, поскольку сделал шаг в мою сторону, но я отмахнулся и направился к двум женщинам, занимавшим места Элоди и Алексы, чтобы поинтересоваться, что они здесь делают.

– Привет, – сказал я.

– Привет, – ответила одна из них. У обеих были длинные вьющиеся волосы, и оделись они явно для гламурной нью-йоркской вечеринки.

– Вы ведь не Алекса и Элоди, – сказал я.

– Нет, я Линда, через «и», – ответила одна.

– Через «и»?

– Да.

– А я Лайза, – сказала другая.

– Через «з»? – догадался я.

– Нет, через «с».

– А... – Диалог уводил нас куда-то, только вот я не мог сообразить куда. – А что случилось с Алексой и Элоди? – спросил я. Они непонимающе переглянулись. – Алекса моя девушка, – объяснил я им. – А Элоди... ну, она вроде как бывшая девушка. Когда-то я жил у нее в Париже. Но теперь она живет в Нью-Йорке. Она... как бы это сказать... сопровождает одного хоббита, французскую рок-звезду. Как бы то ни было, она помогла нам устроиться в «Челси», где рок-звезда проводит свои вечеринки, и мы собирались вернуться туда после того, как пообедаем здесь, так что мне действительно нужно найти...

– Прошу прощения, сэр. – Охранник, который все это время прислушивался к нашему разговору, теперь стоял у меня за спиной.

– Этот человек делает неприличные предложения, – сообщила ему Лайза.

– Нет, вовсе нет, я просто ищу двух девушек.

– Возьмите свое пальто, сэр. Я провожу вас на улицу, – сказал он. Его рука зависла над моим плечом, словно он не хотел дотрагиваться до меня, но при необходимости был готов к этому.

Я огляделся по сторонам в поисках моральной поддержки. И вот тогда я и увидел Элоди и Алексу, которые сидели столиков за десять от меня и болтали как давние подружки, едва не соприкасаясь лбами. – А, вон они, – сказал я охраннику. – Вон те две девушки.

– Пожалуйста, пройдемте со мной, сэр. – Его рука уже впиалась в мое плечо, причем довольно больно. Наверное, затронул нерв. Он начал подталкивать меня к выходу. – Такое поведение, может, и годится для Европы, сэр, но у нас, в Америке, свои стандарты. – Его лицо полыхало праведным гневом.

– Отцепитесь от меня, я подданный Ее Величества, – возмутился я и в доказательство того, что мы, бритты, не терпим вмешательства иностранных держав, даже своих союзников, стряхнул его руку и вырвался на свободу.

Я был всего в нескольких ярдах от Алексы и Элоди, когда они вдруг взмыли вверх вместе со всеми остальными столиками, а я оказался лицом к лицу с ковром. Мне на спину взгромоздилось что-то или кто-то, и я почувствовал неприятно-горячее дыхание на своей шее.

– Пол? – Сквозь шум и гам прорвался голос.

– Да?

– Почему у тебя на спине охранник? – Это была Алекса.

– Вы знаете этого джентльмена? – спросил секьюрити.

– Да, – ответила Элоди. – Он был с нами. Он просто отходил в туалет.

Давление на мою спину ослабло, и, пока Элоди и Алекса объясняли, кто я, мне удалось медленно подняться. Попутно я заметил блестящие ботинки.

– Послушайте, это же тот парень, который пытался заглянуть под дверь моей кабинки, – воскликнул я.

Однако по какой-то необъяснимой причине ни Элоди, ни Алекса, ни охранник не заинтересовались фактом вторжения в мое интимное пространство. Казалось, они успели обо всем договориться, и мне разрешили присоединиться к своим девушкам за новым столиком.

К этому времени дурман вина «Лонг-Айленд» развеялся, и до меня дошло, в чем я ошибся.

Собственно, все было очевидно. Центральная ось здания, где находились лифты и туалеты, была стационарной, а вращалась только внешняя секция бара. Так что, стоило отойти от своего места хотя бы на несколько минут, как это случилось со мной, столик уже перемещался на несколько градусов. И если бы не алкоголь в сочетании с джет-лэгом, я бы, наверное, смог догадаться об этом, когда не обнаружил своих подружек на прежнем месте.

– Пол, когда ты напиваешься, с тобой происходят ужасные вещи, – выговаривала мне Алекса. – Пообещай мне, что в этой поездке такого больше не повторится.

– Обещаю, – сказал я, хотя, возможно, это прозвучало невнятно.

– Боже, спаси Королеву, – провозгласила Элоди, поднимая бокал американского шампанского за победу Британии в конкурсе, хотя, конечно, с таким нетрезвым промоутером шансов у нее было маловато.

6

На часах было четыре утра, но я уже проснулся и все мучил себя вопросом, почему стюардесса не предложила мне подогретый омлет.

Радиаторы шипели и пытели, усердно вырабатывая тепло. С улицы доносилось рычание транспорта, а дождь стучал по металлическому корпусу кондиционера, и казалось, будто за окном репетирует рок-барабанщик. Ничто не располагало к тому, чтобы снова задремать.

Алекса скинула с себя одеяло и громко сопела во сне. Она лежала на боку, обнаженная и беззащитная, не подозревая о том, что на нее смотрят. Я полюбовался ее формами, мягкими подушечками груди, восхитительным изгибом бедра. Крохотный тенистый островок стрелкой указывал направление между ног.

Меня так и подмывало снять ее на видеокамеру, чтобы потом она обнаружила эти кадры среди интервью своих политически активных студентов.

Но нет, так можно лишиться ее доверия. Да я и не знал, как обращаться с камерой.

Ворочаясь в полумраке, я вспомнил, что заставило меня пойти в туалетную комнату в баре. Я бежал от беспардонных расспросов Элоди, которая все пыталась выведать, какие мероприятия мне предстоит провести в американских городах. Но все-таки она права, решил я. Пора уже узнать свою программу, по крайней мере, для Бостона.

Я рассчитал трансатлантическую разницу во времени и отправился в туалет, где устроился с телефонной трубкой на стульчаке.

– Здравствуйте, мистер Уэст из «Туристических ресурсов» Британии, Серена на про-
воде, чем могу помочь? – услышал я скороговорку.

Это был номер горячей линии, который мне дал Джек Тайлер. Я никогда не встречался с этим телефонным оператором, которому отныне предстояло стать моим поводырем по жизни. Однажды мы общались по телефону, раза три-четыре переписывались по электронной почте. Для меня она была всего лишь именем, Серена. Серена Харт. Красивое имя и приятный нежный голос.

– Привет, Серена. Да, ты можешь мне помочь. Я надеюсь, ты все-таки посвятишь меня в детали бостонского мероприятия.

– Я послала вам электронное письмо с контактным телефоном джентльмена, который вместе с вами будет заниматься организацией мероприятия. Вы не получили его?

– Нет. – Упс. Похоже, я слишком увлекся выпивкой и совсем забыл про почту. – У меня еще не было возможности зайти в Сеть. Так что это за мероприятие?

– Чаепитие.

– Ты шутишь. Бостонское чаепитие?

– Да.

И кто сказал, что Британия оскудела оригинальными мыслителями?³⁵

³⁵ Так называемое Бостонское чаепитие 1773 года – акция протеста американских колонистов в ответ на действия британского правительства, в результате которой в порту Бостона был уничтожен груз чая, принадлежавший английской Ост-Индской компании. Это событие, ставшее началом Американской революции, является символическим в американской истории.

7

Утром Алекса заявила, что хочет посвятить день социализму. Не перераспределению богатства или национализации американских банков – на это уж точно не хватило бы одного дня, – но просто поиску неких признаков социализма.

В закускойной на углу Двадцать третьей улицы мы съели оладьи и бекон и выкатились на улицу, преисполненные благодушия, что немудрено после сытного завтрака.

Прямо там, на углу, под тусклым солнцем стояла женщина лет пятидесяти. На ней были толстое шерстяное пальто, вязаный шлем и огромных размеров варежки, все в оттенках красного. Смотрелась она гигантской ягодой-малиной. Женщина держала в руках коробку с наличностью и большой плакат, на котором были изображены замерзающие люди, сбившиеся в кучку.

– Как насчет того, чтобы потратить один доллар на ближнего своего? Пожертвовать кое-какой наличностью в пользу несчастных? – обращалась она к прохожим. По мне, так это отдавало настоящим социализмом.

Мы с Алексой зачихнули по доллару в прорезь копилки.

– Могу я взять у вас интервью для фильма об американском образе жизни? – спросила Алекса.

– А почему нет? – оживилась женщина и разом как будто согрелась.

Алекса расчехлила видеокамеру и направила на ее лицо.

– Вы носите красное и собираете деньги для бедных. Означает ли это, что вы социалистка?

Женщина побледнела так, что даже красный цвет как будто потускнел.

– Социалистка? Вы имеете в виду коммунистов? Нет!

– В таком случае, почему вы собираете деньги для бедных?

– Из христианского сострадания, разумеется. Помогаю нуждающимся. Я – волонтер из приюта на Двадцатой улице.

– Но не лучше ли изменить систему, чтобы люди сами могли помогать себе?

– Систему? Какую систему?

– Капиталистическую.

И снова женщина побледнела. Как будто слово «капитализм» было ругательством, которое в приличном обществе не принято произносить вслух.

– Да нет, это же не богатые виноваты в том, что бездомным негде жить, – сказала она. – Знаете, есть немало состоятельных людей, которые делают щедрые пожертвования для приюта. – Она потрясла коробкой с деньгами.

– Но, если бы богатые не были настолько богатыми, возможно, у бедных было бы больше денег, были бы дом и работа?

– О, нет. – Женщина улыбнулась абсурдности этой идеи. – Большинство этих людей не способны работать. У них проблемы с алкоголем, с психикой. На днях у нас в приюте была дискуссия по этому вопросу. Кто-то даже высказался, что, возможно, существует ген бездомности.

– Ген бездомности?

– Да, знаете ли, возможно, некоторые люди генетически предрасположены к тому, чтобы жить на улице. У них сильная зависимость от алкоголя, они психически неуравновешенны, так что вполне естественно, они больше, чем другие, склонны к тому, чтобы бродяжничать. Поэтому в наших силах лишь сделать их жизнь более комфортной.

– Может, стоит покормить их генетически модифицированным супом?

– Прошу прощения?

– Ну, супом, который излечит их от генетических проблем, и они станут богатыми предпринимателями.

Я догадался, что фильм Алексы получится гораздо более смешным, чем мне поначалу казалось. Женщина таращилась на нее, пытаясь угадать, сколько же иронии на самом деле скрыто в этом диалоге.

– Вы меня разыгрываете, девушка? – спросила она наконец. – Если это так, то вы поступаете очень не по-христиански. Очень.

– Нет-нет, ни в коем случае, – поспешила успокоить ее Алекса с ангельски-невинным выражением лица. – Просто я только что приехала сюда и пытаюсь понять Америку. Это ведь удивительная страна, не так ли?

Щеки женщины зарделись и сравнялись с оттенком вязаного шлема.

– О да, это великая страна. – Она улыбнулась и снова принялась трясти своей коробкой.

Когда мы отошли, Алекса назвала свое интервью большим успехом. Ей даже удалось уговорить женщину подписать разрешение на телевизионный показ пленки.

– С чего ты вдруг взялась подыгрывать ей, утверждая, что Америка удивительная страна? – спросил я. – Ты ведь ерничала?

Алекса рассмеялась:

– О нет, я подсмотрела эту технику у Майкла Мура. Знаешь этого документалиста? Он критикует Америку, объявляет ее центром мировой коррупции и все такое, но то и дело добавляет: «Это великая страна, не так ли?», и все успокаиваются, расслабляются и позволяют ему говорить все что вздумается. Если собеседник решит, что ты настроен антиамерикански, он попросту не станет с тобой разговаривать.

– Но ты ведь не настроена антиамерикански?

– Ни в коем случае, Америка – удивительная страна. – Она хихикала всю дорогу до станции сабвея.

8

Когда рано утром следующего дня мы ехали по городу в такси, у меня была возможность понаблюдать за местными водителями, с которыми вскоре мне предстояло делить дорожное полотно. Наверное, из-за того, что дороги в стране были длинными и прямыми, у автолюбителей выработалось стойкое отвращение к монотонной езде в пределах своей полосы, и они постоянно перестраивались. Что это, правый крайний ряд движется быстрее на полмили в час? Ладно, как только увижу двухдюймовую дырку, сразу метнусь туда, и пусть я оглохну от рева клаксонов. Казалось, именно такой логикой руководствовались здешние лихачи. Я рассудил, что на американских дорогах «мини» будет как нельзя кстати. Короткая, юркая машинка, уж она точно пролезет без очереди.

Мне уже не терпелось вцепиться в ее руль.

Механик Дуайт был на месте, как мы и договаривались, и зачищал ослепительно-алые дверцы «мини». Машинка стояла посреди мастерской, припадая к земле, словно готовясь к прыжку на волю.

– Красивая, правда? – сказал Дуайт.

– Вау, действительно очень красивая, – согласилась Алекса.

– О, черт! – выругался я.

– В чем проблема? Вы же не хотели автомобиль с откидным верхом в такую-то погоду? – Дуайт явно приглашал нас посмеяться вместе с ним, но смех вышел какой-то нервный, и тому была причина.

– А что это за флаг? – Я даже подошел и прикоснулся к нему, в надежде на то, что это всего лишь пленка. Ну конечно, механик сейчас сдерет ее и объяснит, что пошутил. Но нет, это была отлично выполненная работа – полосатый стяг занимал всю поверхность крыши. Беда в том, что полосы были не те. Дуайт нарисовал американский флаг, но с крохотным Юнион-Джеком³⁶ в верхнем левом углу вместо звезд.

– Юнион-флаг, как они и просили, – сказал Дуайт.

– Это Юнион-флаг?

– Да, я бы даже сказал, Гранд-Юнион-флаг. Что-то вроде объединенного флага США и Англии, здорово, да?

– Но передо мной не стоит задача представлять объединенные силы. Я здесь представитель Британии. Ты мог с таким же успехом разместить в другом углу французский триколор да еще усыпать все вокруг китайскими звездами.

– Послушай, старик, я всего лишь сделал то, о чем меня просили. – Дуайт нырнул в свой кабинет – застекленную каморку в дальнем углу мастерской – и вернулся с листком бумаги, который уже исчертили граффити из телефонных номеров и артикулов краски, но я все равно смог убедиться в том, что парень прав. Серена прислала ему электронное письмо с просьбой нарисовать на крыше автомобиля Юнион-флаг вместо Юнион-Джек. И это *меня* тестировали на знание Британии?

– Да какая разница, – сказала Алекса. – Кстати, это хороший символ. Маленький англичанин в уголке Соединенных Штатов.

– Да, верно, – согласился Дуайт с чрезмерным энтузиазмом лодыря, которому совсем не хочется переделывать работу.

– Прошу прощения, мне нужно кое на кого наорать. – Я уже набирал телефон Серены.

³⁶ Юнион-Джек – государственный флаг Великобритании.

– Здравствуйте, мистер Уэст из «Туристических ресурсов» Британии, Серена на проводе, чем могу помочь?

– О, черт!

– Прошу прощения?

– На самом деле я хочу знать, какого черта вы попросили нарисовать неправильный флаг на крыше «мини»?

– Неправильный флаг?

– Да. Почему вы просто не прислали картинку с флагом, который нам нужен?

– Он сказал, что найдет в Интернете.

– Он и нашел в Интернете. Но нашел тот флаг, который вы попросили его найти.

– Так, значит, он нашел правильный флаг?

– Да, но он оказался неправильным.

– Прошу прощения?

– Вы просили его найти Юнион-флаг, в то время как нам нужен Юнион-Джек.

– О боже!

– Мне придется оставить «мини» в Нью-Йорке и своим ходом добираться до Бостона, понятно?

– Понятно, – сказала она, судя по голосу, озадаченная новым поворотом событий.

– Послушай, Серена, ты, наверное, имеешь дело с Джеком Тайлером?

– Да.

– И насколько я знаю, он не всегда *доступен*? Надеюсь, ты понимаешь, что я имею в виду?

– Ну...

– Может, ты все-таки свяжешься с Люси Марш?

– С кем?

– С Люси Марш. Ты не знаешь, кто это?

– Нет.

– Да что же это за идиотизм? Насколько велико ваше новое здание? – Впрочем, я нарушал первое правило самоутверждения, отклоняясь от сути проблемы. – Короче, это грандиозный провал. А я не могу допускать подобных ляпов, иначе в итоге окажусь в таком дерьме, что вам и не снилось.

– В чем, в чем?

– Это по-французски. Вы разве в школе не учили французские ругательства?

– Нет, мы вообще не учили французский.

– Что? Я думал, его учат во всех школах. Знаешь, французов нельзя игнорировать. Я однажды попробовал, вот и оказался в этом дерьме.

– В этом... в чем?

– Все, отбой.

Бостон

Все силы на алтарь победы

1

Иногда мне кажется, что мы, европейцы, свысока оцениваем американский взгляд на историю. Впрочем, не мы в этом виноваты. Нас оболванивают телешоу, где король Артур предстает в образе ковбоя, и военные фильмы, из которых можно понять, что Битву за Англию³⁷ выиграла компания американских военных летчиков, за полдня разгромившая люфтваффе.

В глубине души мы уверены, что американцы понятия не имеют о том, что произошло до 1945 года, а британскую историю представляют себе примерно так.

Стоунхендж – 1776: эпоха замков, рыцарей и прочей ерунды.

1776–1945: ослабленная потерей своих американских колоний, Британия постепенно утрачивает свою мощь, пока не становится настолько беспомощной, что едва не проигрывает войну вегетарианцу с глупыми усиками.

1945 – наши дни: спасенная от краха Соединенными Штатами, Британия становится верным союзником, столь же необходимым для поддержания мирового баланса сил, как, скажем, Бермуды.

А вот какой Америка видит Францию, в чем уверены большинство французов, и прежде всего политики.

Юрский период – 1940: регион планеты, предназначенный исключительно для производства вина, сыра, проституток и ароматов для тела.

1940 – наши дни: вроде бы друг, но на самом деле такой же надежный, как приглашенный на свадьбу гость, который спит с невестой.

Впрочем, многие американцы здорово секут в истории. Они точно знают, что происходило в Америке в каждый конкретный день в период между 1775 и 1790 годами. И это в какой-то степени объясняет, что приключилось со мной, когда я попытался организовать тематическое мероприятие в одном из наиболее исторически продвинутых городов этой страны.

³⁷ Воздушные бои с немецкой авиацией над территорией Великобритании в 1940–1941 гг.

2

– О! – Алекса откликнулась типично французским возгласом возмущения, как если бы к ее столику в ресторане приблизился незнакомец и покусился на ее ломтик фуа-гра.

Я огляделся по сторонам в поисках источника такой ярости. Мы только что прибыли на Пенсильванский вокзал, держа в руках неприлично дорогие билеты на поезд до Бостона.

– Поезд, – фыркнула Алекса. – Это же TGV³⁸! Еще говорят, что это новейший американский высокоскоростной поезд, а на самом-то деле он французский.

Она была права. Голубовато-серебристый локомотив, похожий на высокомерную змею, вполне мог сойти за экспресс Париж – Марсель.

– Вот еще один пример глобализации по-французски, – заметил я.

– Только потому, что им нужна наша технология. Что лучше? Глобализация скоростными поездами или фастфудом? Да Франция фактически оказывает Америке помощь! – Алекса уже забыла недавнюю ярость и выглядела невыносимо самодовольной.

Внутри поезд был адаптирован к американским вкусам. «Амтрак»³⁹ явно вознамерился убедить нас в том, будто мы вот-вот оторвемся от земли. В вагонах имелись навесные багажные полки, сиденья с регулируемым наклоном спинки, а ноги можно было вытянуть, как в салоне бизнес-класса. Брошюрка, втиснутая в кармашек моего сиденья, разъясняла, что максимальная скорость движения составит около 165 миль в час.

Впрочем, стоило поезду отойти от перрона, как иллюзия полета растаяла – в скорости мы не уступали даже гигантскому слону Джамбо. Поначалу меня это не раздражало. Пересекая Ист-Ривер, можно было наблюдать классический открыточный пейзаж с манхэттенскими небоскребами, пронзающими пелену облаков. К тому же состав двигался почти бесшумно. Правда, минут через десять он и вовсе затих, потому что остановился.

Мы зависли над станцией пожарной техники. По вагону прокатилась волна беспокойства. Не сговариваясь, мы с Алексой посмотрели на часы. Встреча с моим бостонским агентом была назначена на два пополудни. Поезд должен был прибыть в город в половине второго. Еще немного – и в пору было посылать сигнал SOS.

Словно угадав наше настроение, из динамиков зазвучал вежливый голос, информируя пассажиров о том, что в электроснабжении локомотива произошел сбой и машинисту нужно перенастроить систему. Ничего угрожающего в этом заявлении не было, как если бы речь шла о перезагрузке компьютера. Но мужчину, который сидел по соседству с нами, это явно не убедило. Он скорбно застонал, словно говоря: «Не верьте». На вид ему было около шестидесяти, кучерявые седые волосы, зачесанные над высоким лбом, изрезанным глубокими морщинами. Судя по выражению его лица, он и родился глубоко несчастным человеком. А брыли ему явно пересадили от собаки-ищейки.

– Вы думаете, это надолго? – спросил я.

– Хмм... – Это могло означать что угодно: от «Да, не на один час» до «Извините, у меня так плотно стиснуты челюсти, что я не могу говорить».

– По крайней мере, здесь объявляют, в чем проблема, – заступилась за местных железнодорожников Алекса. – Во Франции можно часами ждать, не получая никакой информации.

– Хмм... – повторил сосед. – У нас проблемы другого рода. Предположим, вы пытаетесь сесть на поезд до Монреаля, а вам говорят, что он не обслуживается, потому что треснуло лобовое стекло. Или что поезд еще не перегрузили паромом из Олбани. Да, информации много, а вот толку от нее никакого.

³⁸ Французский высокоскоростной пассажирский поезд.

³⁹ Национальная корпорация железнодорожных пассажирских перевозок.

Что-то в его тоне заставило нас всех рассмеяться, и так мы познакомились.

Его звали Джозеф, он занимался оптовой торговлей мебелью, частично вышел на пенсию, и сейчас ехал в Коннектикут на встречу со своими приятелями-охотниками.

– Не для того, чтобы косить койотов из М-62, – сказал он. – Мы – настоящие лесорубы. – Он вытащил из своей сумки журнал, что-то вроде рекламного буклета для фетишистов замши, курток с бахромой и штанов с прорезью. – Мы надеваем охотничье обмундирование, выходим в лес и там остаемся наедине со зверем. Ты делаешь всего один выстрел из своего мушкета, и в случае осечки считай, что проиграл. Никаких бивачных костров. Если ты ранишь зверя, то должен загнать его и добить ножом. В общем, хочешь не хочешь, приходится становиться метким стрелком. – Все это звучало очень романтично, хотя и с оттенком кровожадности. – Знаете, в том, что Америка избавилась от англичан, заслуга не только армии Вашингтона, но и лесорубов. Хотя и французам мы многим обязаны. – Он улыбнулся Алексе, словно она лично помогала топить «красные мундиры»⁴⁰ в Атлантике два с половиной века назад. – Некоторые американцы говорят, что Франция так и не поблагодарила нас за освобождение в 1945 году. Но нам следует помнить, что французы помогли освободить нас. Тогда, в 1781 году, ваш флот захватил в плен всю английскую армию в Йорктауне. – Теперь, когда его челюсти разжались, он уже не мог остановить прорвавшийся словесный поток.

Поезд загудел и вскоре тронулся с места.

Мы так и не дождались обещанных 165 миль в час, но, по крайней мере, попытки приблизиться к этой цифре вселяли надежду добраться до места назначения.

Вскоре город остался позади, и мы понеслись мимо широких, залитых солнцем заливов с замерзшими камышами, поселков из примитивных летних домиков и узких песчаных пляжей. Мелькали городки скандинавского типа, и некоторые выглядели так, словно их только что покинули старые китобойные флотилии. Даже не верилось, что эти открытые морские пейзажи и сонные гавани граничат с шумным и беспокойным Нью-Йорком.

– Далеко вы едете? – спросил Джозеф.

– В Бостон, – ответила Алекса.

– Банкер-хилл!⁴¹ – отчеканил Джозеф, словно отдавал боевой приказ. – Семнадцатое июня, 1775 год. Полковник Уильям Прескотт и его кучка повстанцев сдержали натиск английского войска, и все благодаря меткой стрельбе. Несколько храбрецов, почти без амуниции, но они знали, как обращаться с мушкетами, и англичанам доставалось по первое число каждый раз, когда они шли на штурм холма. До сих пор живы слова полковника: «Не стреляйте, пока не увидите белки их глаз».

– Значит, если бы они были в солнцезащитных очках, вы бы проиграли? – спросил я. Мне оставалось лишь надеяться на то, что мой визит в город не обернется таким же фиаско.

– Хмм... – Джозеф снова раскрыл свой журнал и принялся изучать статью о том, как правильно потрошить лося.

⁴⁰ «Красный мундир» – прозвище английского солдата в период Войны за независимость. Связано с цветом военной формы, принятой в тот период в английской армии.

⁴¹ Холм вблизи Бостона, где в июне 1775 года произошло сражение между американскими повстанцами и английской регулярной армией.

3

Южный вокзал Бостона, просторный и ярко освещенный, не шел ни в какое сравнение с тусклым подземельем Пенсильванского вокзала. У книжного киоска в главном вестибюле, как и договаривались, стоял высокий блондин примерно моего возраста, но с более длинными и густыми бакенбардами и двухдневной щетиной на лице. Обычно таких парней выбирают для рекламы толстого трикотажа в каталогах. Это был мой бостонский агент, Майк.

– Пол, Алекса? Привет. – Майк пожал нам руки и широко улыбнулся. В улыбке, адресованной Алексе, было чуть больше радушия, чем досталось мне, да еще и с примесью удивления.

– Извини, мы опоздали, – сказал я.

– Нет проблем. Вы ведь европейцы, так что, наверное, не будете возражать против того, чтобы немного пройтись пешком? – сказал он. – Мы могли бы взять такси, но с этим Биг Дигом⁴² придется не один час добираться до места.

– Биг Диг? – переспросила Алекса.

– Куда мы сейчас? – хотелось знать мне.

Майк взял багажную сумку Алексы и сначала ответил на ее вопрос.

– Биг Диг... да, вот уже лет десять, как минимум, в городе роют тоннель, чтобы избавить центр от пробок. Но инженеры оказались чересчур амбициозными, а фундаменты не слишком надежными, так что вот уже целое десятилетие мы вынуждены колесить по объездным дорогам. Кстати, сейчас самое время покупать акции строительной компании – работы у них еще на долгие годы. Особенно после пожара.

– Пожара? – переспросила Алекса.

– Да. – Мы как раз пересекали застойный мутный канал внутренней гавани, и Майк указал на мост вниз по течению, почерневший, в строительных лесах. – Ударило молнией. Там, кстати, был корабль-музей. У пристани, где когда-то произошло знаменитое Бостонское чаепитие. Вы ведь знаете эту историю?

– Нет, – призналась Алекса, удержавшись от того, чтобы добавить: «Просвети меня, ты такой классный».

– Ну тогда слушайте, – начал Майк. – В ночь на шестнадцатое декабря 1773 года бостонцы решили, что с них довольно, больше они не будут платить англичанам налог на индийский чай, и опрокинули в море груз с трех кораблей. Можно сказать, это стало той искрой, которая разожгла тлеющее пламя революции. – Его глаза, в свою очередь, сыпали искры в Алексу. Возможно, он позировал не только для каталогов трикотажа, но и для настенных календарей. – Один из кораблей, бриг «Бобер», оставили здесь на приколе, как напоминание о героизме местных жителей. Но теперь-то уж все сторело. – Он по-мужски сдержал слезу.

– Выходит, и «Бобра» сразило молнией? Какая жалость. – Моя колкость заставила Майка поморщиться, но уже в следующее мгновение его улыбка вернулась на место, правда, процентное содержание в ней насмешки заметно возросло.

Он повел нас через грязь стройплощадок, мимо сверкающих, средней высоты, небо-скребов. Улицы в Бостоне были короткие и расходились лучами, по-европейски.

– Так куда мы идем? – снова спросил я, когда дорога пошла под гору.

– Почти пришли, – заверил Майк Алексу.

⁴² *Big Dig* («Большой котлован») – неофициальное название Большого бостонского тоннеля – восьмиполосной магистрали, самый дорогой проект в истории строительства США.

Мы пересекли шумную площадь с неким подобием греческого храма посередине и вдруг оказались в английском пабе.

Хотя нет, в английском пабе вы бы никогда не увидели столь колоритную группу из трех мужчин в камзолах, шейных платках и бриджах и двух женщин в толстых суконных платьях, кружевных чепчиках и шالях. Похоже, нью-йоркская мода сюда так и не добралась.

– Здорово, ребята, – приветствовал их Майк. – Вот и он.

– Привет! – Они отвлеклись от своей шумной, и веселой беседы и подошли поздороваться. В их глазах я тоже заметил дружелюбие с примесью изумления.

– Значит, вы хотите организовать еще одно Бостонское чаепитие, – сказал один из ряженых, темноволосый гигант с конским хвостом на голове – похоже, настоящим.

– Да, только выпивку не будем бросать в воду, – сказал я.

– И ты планируешь сделать все так, как сказала твоя подруга Серена? – спросил Майк.

– Э... да. – Хотя что-то в его голосе подсказывало, что лучше было бы ответить «нет».

– Чаепитие на свежем воздухе, у реки, в феврале?

– На свежем воздухе? – переспросил я. – Ты уверен? – Серена ни словом не обмолвилась об этом. Пожалуй, и мне идея пикника при температурах ниже нулевой отметки казалась не самой привлекательной.

– О да. – Майк и костюмированная группа от души расхохотались. – Английское чаепитие, на месте знаменитого Бостонского чаепития, там, где Америка впервые восстала против британских законов. Тебе не кажется, что общественное мнение может усмотреть в этом своего рода историческое оскорбление? Ну это все равно что устраивать английское барбекю на месте сожжения Жанны д'Арк... – Он заговорщически улыбнулся Алексе, которая начала смотреть на меня так же, как в тот раз, когда в Нью-Йорке я заблудился на обратном пути из туалета.

– Но мы давно уже союзники, – попытался возразить я. – Много чаю утекло с 1773 года.

– Союзники, это верно. – Майк рассмеялся. – Неужели Серена и впрямь считает, что лучшим координатором шоу может быть вице-президент ассоциации бостонских ирландцев? – Майк ткнул себя в грудь пальцем. – Я вот что хочу сказать, Пол, многие наши старики до сих пор не могут простить англичанам картофельный голод. И вы решили, что мы кинемся помогать рекламировать Англию как туристическое направление? – У меня возникло стойкое ощущение, что он репетирует гневную речь, лежа в ванне. – Поверь мне, тебе повезло, что место Бостонского чаепития пострадало от удара молнии. По крайней мере, это повод провести мероприятие в помещении. Так что я предлагаю вам обоим выпить отличного бостонского пива, а уж потом браться за дело. У тебя в запасе двадцать восемь часов.

Этим он заработал одобрительные возгласы со стороны своих исторически подкованных друзей.

– Я правильно понял, что ты отказываешься от соглашения и не станешь помогать мне, Майк? – спросил я.

– Ну я бы не сказал, что соглашение как таковое было, – ответил он. – То есть поначалу мы просили прислать нам детали, чтобы понять, в чем смысл этого чаепития, но потом ваши люди, видимо, решили, что мы согласились помочь, и продолжили забрасывать нас факсами и письмами. В итоге я решил, что будет лучше объясниться при встрече с тобой.

– Да, за это спасибо, – сказала Алекса и сурово взглянула на меня, словно напоминая о хороших манерах.

– Да, спасибо тебе, Майк, ты был более чем любезен. Извини, я отлучусь, надо наорать кое на кого. – Этой фразе, похоже, предстояло стать крылатой.

– Здравствуйте, мистер Уэст из «Туристических ресурсов» Британии, Серена на про-
воде, чем...

– Я в Бостоне, – перебил я ее.

– Хорошо.

– Ничего хорошего. Майк, наш местный агент, вовсе не собирается помогать мне в организации мероприятия.

– Что? Но он же...

– Да и вообще, о чем вы там все думали, организуя английское чаепитие в Бостоне? К тому же *на свежем воздухе*. Вы хотя бы заглядываете в прогноз погоды перед тем, как планировать что-то?

– Да, конечно. Если я правильно помню, на веб-сайте города Бостона сказано, что минимальная дневная температура в январе пятнадцать градусов.

– Да, но по *Фаренгейту*, Серена. Это ведь ниже нуля. Разве ты не знаешь... – Я осекся. Ужасная мысль пришла мне в голову. Я вдруг понял, что же так мучило меня все это время. Тот факт, что она не знает Люси Марш. Проккололась с флагом. Не учила французский в школе. И еще было что-то особенное в ее голосе, манере говорить. – Серена?

– Да? Чем могу...

– Какого цвета рыбки в пруду у входа в здание «Туристических ресурсов»?

– Прошу прощения?

Я повторил свой вопрос.

– Золотые?

– Там нет никакого пруда с рыбками, Серена, – сказал я, чувствуя себя героем-сыщиком из детективного телесериала. Уэста из Ярда не проведешь. – Где ты находишься на самом деле?

– Ооо! – Серена испустила вопль, словно ребенок, капнувший чернилами на новые джинсы.

– Я знаю, что ты не в Лондоне. И готов спорить, что тебя зовут не Серена Харт, я угадал? Как твое настоящее имя?

Какое-то время я слышал лишь шуршание спутника, передающего наш напряженный разговор, но вот она прошептала:

– Сурайя.

Я попросил произнести по буквам.

– Рад познакомиться наконец-то, Сурайя. И где же ты находишься?

Снова воцарилось радиомолчание.

– Пожалуйста, не говорите никому, что вы знаете, – с дрожью в голосе еле слышно произнесла она. – Но...

– Но?

– Мы в Чинае.

– В Уэльсе?

– Нет, в Чинае. Это новое название Мадраса. – Она произнесла как «мат-раас».

– Индия?

– Да.

– Это что же, британские «Туристические ресурсы» поручили проведение своей национальной туристической кампании зарубежной стране?

– Да. Мы уже обрабатываем все телефонные запросы.

– Что, и даже можете ответить, как работает Музей рыбопереработки в Абердине?

– Зимой или летом?

– Что?

– Простите, я шучу. Но на самом деле да, мы занимаемся всем. Вот почему у вас, наверное, создается впечатление, что все организуется издалека.

– Да, с Луны. Причем с темной стороны.

– Прошу извинить, но мне приходится трудно, когда руководство из Лондона с опозданием присылает указания, а некоторые так и вовсе не согласны с политикой аутсорсинга, поэтому намеренно задерживают информацию.

– Выходит, я не должен доверять ничему из того, что ты мне говоришь, поскольку это либо устаревшая, либо искаженная информация? – Молчание Серены было красноречивее любых слов. – Серена, ты сама посуди, что должен думать мэр Бостона, получая приглашение на *английское* чаепитие на свежем воздухе зимой? Он ведь приглашен, не так ли?

– Да, конечно. Мэр, и директор по туризму, и журналисты местных газет.

– И никто из них не высказал недоумения?

– Нет. – Последовала пауза. – На самом деле никто вообще не отреагировал. Ни на одно письмо из тех, что я разослала. Прошу прощения, но я одновременно занимаюсь мероприятиями в Китае и... – Она всхлипнула.

Что ж, подумал я, когда ты по уши в дерьме, утешает лишь то, что есть только один путь к спасению – это выбраться из него.

Впрочем, если хорошенько подумать, существует и второй вариант – забраться в дерьмо еще глубже.

4

Майк, Алекса и я побаловали себя бостонским сливочным тортом – можно сказать, даже и не тортом, а небоскребом из бесчисленных коржей, прослоенных сладким заварным кремом, – и успокоительным пивом «Сэм Адамс». По мере того как пиво всасывалось, я начинал смотреть на мир философски.

Бывают ситуации, размышлял я, когда лучше всего смириться с унижением и бить на жалость. Майк и его команда в шерстяных поддевах были не такими уж злодеями, просто они сочли мой приезд в Бостон чьей-то злой шуткой. Что, собственно, было недалеко от истины.

Поэтому я решил воспользоваться историями про игуану с Бронкса и «мини» не с тем флагом, чтобы заставить их посмеяться *вместе* со мной, а не надо мной.

Как оказалось, ряженые были официальными бостонскими гидами, и они тут же устроили мозговой штурм, пытаясь придумать, где можно срочно организовать тематическую вечеринку.

– Беда в том, – сказал гигант с конским хвостом, – что в городе слишком много мест, связанных с противостоянием англичанам. Вспомнить хотя бы Бостонскую резню 1770 года. Вы-то, наверное, и не слышали про нее?

– Нет, – признался я. – Когда я учился в школе, мы не слишком углублялись в британские злодеяния.

– Ваши войска тогда запаниковали и начали стрелять в толпу невинных граждан, убили пятерых, – напомнил гигант.

– Ха, и это называется резней? – вмешался Майк. – В Кровавое воскресенье они убили двадцать ирландцев.

– И весь цвет французской аристократии в битве при Азенкуре в 1415 году, – добавила Алекса. – Причем многих уже после того, как те сдались в плен.

– И это еще не все, – продолжил гигант. – У нас в Бостоне есть Старый Капитолий, с балкона которого был зачитан текст Декларации независимости. Есть Банкер-Хилл, где нашим воинам был отдан приказ: «Не стреляйте, пока...»

– «... не увидите белки их глаз», – хором повторили мы с гидами. После чего чокнулись и выпили за белки английских глаз.

– Вот видишь, – сказал Майк, – весь Бостон – это туристический маршрут по местам боев с англичанами. С таким же успехом можно было бы устроить чаепитие на минном поле.

Я подумал, что, возможно, это было бы гораздо проще. По крайней мере, не пришлось бы потом мыть посуду.

Мы с Алексой взяли такси (маршрут пролегал по прямой, *не перекопанной* дороге, как сказал Майк) до нашего пансиона, который оказался уютным местечком, расположенным в довольно крутом районе города. Это была улица со старинными особняками, первые этажи которых занимали салоны татуажа, бары и бутики молодежной моды. Среди них затесался даже магазин, торгующий исключительно презервативами.

В гостинице были толстые ковры, жаркое отопление и молодая корейка-администратор с флуоресцентными розовыми прядями в черных волосах и в джинсах с опасно заниженной талией.

– *I'm te*⁴³, – представилась она. Очень по-азиатски, подумал я. Так каждый про себя может сказать.

⁴³ Дословно: я – я.

– Здравствуйте, вы, – сказал я.

Она захихикала и намотала на палец розовую прядь.

– Нет, это мое имя. М-И. Ми. Если вам что-нибудь нужно, просто спросите Ми.

Я засмеялся, но тут же перехватил взгляд Алексы, в котором читался вопрос: «Почему ты всегда становишься идиотом в присутствии симпатичных девушек?»

Ми показала нам нашу комнату, обставленную готической мебелью. Окно выходило на задний двор, уставленный припаркованными автомобилями и огромными мусорными баками, в которых обычно прячут трупы, если верить американскому кинематографу.

– Да, вид не очень, зато здесь гораздо тише, чем в номерах с видом на улицу, – сказала Ми. – По ночам там просто сумасшествие.

Это устраивало меня гораздо больше, чем сумасшествие *внутри*, как это уже было в Бронксе.

– Вы не знаете, где можно организовать вечеринку с чаепитием? – неожиданно для себя спросил я.

– Что-что?

Я объяснил ей проблему и оставил свой телефон, на всякий случай.

– Если придут в голову какие-нибудь идеи, просто позвони мне, Ми, – сказал я, и мы снова посмеялись над игрой слов.

– Ты дал ей свой *телефон*, – сказала Алекса, когда Ми ушла, унося в кармашке своих крохотных джинсов щедрые чаевые.

– Да.

– Ты даешь его всем девушкам, которые тебе улыбаются? – Меня обжег ледяной взгляд.

– Нет. Алекса, пойми, я в полном дерьме. В чужом городе, где надо организовать чаепитие и абсолютно никакой поддержки – даже от твоего друга Майка, который, кстати, должен помогать мне. Так что да, я дал ей свой телефон.

– Совсем не обязательно впадать в агрессию.

– Извини, ты права. Это не твоя вина.

Мы оба помолчали какое-то время, дожидаясь, пока улягутся негативные эмоции.

– Я уверена, что, если ты еще раз попросишь Майка, он не откажет тебе в помощи, – сказала Алекса.

– Если *ты* его попросишь. Ты это имеешь в виду? Он и лепреконов пригонит, если только ты махнешь в его сторону ресницами.

Алекса не ответила.

Мы зашли в расположенный напротив нашего отеля книжный магазин с Wi-Fi кафе, где я мог бы просмотреть список городских банкетных залов, чайных и ресторанов на предмет проведения мероприятия. И еще мне хотелось почитать историю Бостона, чтобы избежать новых англо-американских конфликтов. В моем распоряжении оставалось всего двадцать шесть часов. Второго шанса у меня могло не быть.

Магазинчик оказался своеобразным – здесь можно было найти какие хочешь пособия по уходу за домашними питомцами и ни одного триллера. В кафе пахло корицей и песто, а у официанток сережек в ушах было больше, чем волосков в бровях. Как я понял, это была студенческая обитель, где они работали, флиртовали или же благополучно совмещали и то и другое.

Пока Алекса просматривала путеводитель, я подключился к Wi-Fi и задал поиск по Бостону. Вскоре мне попался веб-сайт с подробным изложением событий знаменитого чаепития. Судя по всему, в мятеже участвовала группа переодетых американцев, которые хотели обмануть англичан, убедив их в том, что груз чая уничтожили черные рабы и индейцы. Но постановка была настолько любительской, что один из английских матросов потом напи-

сал: «Явились человек восемьдесят мужчин, некоторые наряженные и улюлюкающие, как индейцы». Ничего себе революция – скорее, запоздалый Хеллоуин.

Я прочел и то, что британцы могли бы спасти чай, веди они свой бизнес более жестко. Английское правительство пыталось заставить североамериканские колонии покупать чай исключительно в Британии и платить налоги на импорт, притом что бостонцы обычно получали чай дешевле из Франции и Голландии. Зная это, англичане предложили ликвидировать черный рынок, но по глупости проболтались о том, что новые сниженные цены все-таки включают налог, поэтому американцы ринулись на пристань и сбросили груз в гавань. Если бы британцам хватило ума промолчать про налоги, может, и не было бы никакого Бостонского чаепития – да и самой революции, кто знает. Возможно, именно по этой причине они нас и вышвырнули, подумал я, – мы оказались плохими капиталистами.

Я уже собирался поделиться с Алексой своими ироничными мыслями, когда зазвонил мой телефон. Официантка сурово посмотрела на меня, нарушителя кармы, поэтому, чтобы ответить, я выскочил на холод.

Звонила Сурайя.

– Кажется, я для тебя кое-что нашла. – Голос у нее был возбужденный.

– Что именно?

– Место для мероприятия. Разумеется, в помещении. Обогреваемом. – Она определенно была счастлива. – Понимаешь, у меня есть один коллега, он живет на той же улице, что и я, и мы оба ездим на работу на скутерах, и часто бывает, что вместе...

– Да? – Я попытался ускорить ее. Мои пальцы уже начинали синеть.

– Так вот, я рассказала ему о нашей проблеме, а у его отца лучший друг – владелец ресторана в Бостоне.

– Индийский ресторан?

– Да. Они там часто устраивают свадьбы. Я только что позвонила хозяину, и он сказал, что с удовольствием проведет для нас чаепитие.

Я ненадолго задумался. Английское чаепитие в индийском ресторане?

– Сурайя, ты гений, – сказал я ей.

5

Мы с Алексой отправились в центр города на метро, которое Бостон упорно называет «Т» – возможно, чтобы позлить британских туристов. Фактически это был подземный трамвай, и, как положено трамваю, он делал остановку через каждые сто ярдов, так что наша поездка протяженностью в три станции заняла какие-то секунды.

Ресторан находился в Куинси Маркет – его здание, похожее на белый греческий храм, я заметил еще раньше. На самом деле это был храм американской еды. На старейшем городском рынке можно было купить все что угодно – от хот-догов и свиных ребрышек до здоровой пищи и клубники в шоколаде.

Здание рынка окружала большая брусчатая площадь – еще одна пешеходная зона, – окольцованная цепью кафе, ресторанов и бутиков. Индийский ресторан находился на южной стороне площади, пригреваемой бледным послеполуденным солнцем. Даже сейчас, в холодный будний день, народу слонялось на удивление много. Площадь была магнитом для торговли, идеальным местом для моего чаепития.

Ресторан назывался «Йоги Махал», и мерцающая на фасаде вывеска рекламировала «первоклассную индийскую, бенгальскую, пакистанскую, ланкийскую, вегетарианскую и халяльную кухню». Хозяин явно не хотел отпугнуть никого из тех, кому хоть однажды довелось насладиться карри. Это был как раз тот самый дух предпринимательства, которого так не хватало моему «туристическому» предприятию.

Интерьер ресторана, как и следовало ожидать, сочетал в себе элементы дворца махараджи и фабрики по производству бархатных обоев, а неперенные благовония и бомбейское диско усиливали нагрузку на органы чувств.

Нас приветствовал официант в белой рубашке, и я попросил о встрече с хозяином, мистером Рандавой.

В следующее мгновение из кухни выпорхнул гиперактивный коротышка в сером костюме. Он протянул большую руку с двумя массивными золотыми перстнями, заметно оттягивающими ее вниз, и засиял улыбкой, слепленной из самого изысканного фарфора. Похоже, бизнес идет неплохо, догадался я.

– Пол? Мэм? Сидите, пожалуйста. Выпейте чаю со специями, наш лучший чай. Конечно, мы готовим и традиционный английский чай. Вижай, чай сюда! – У него был своеобразный тихоокеанский акцент – индийский с неожиданными вкраплениями американского.

За превосходным ароматным чаем с молоком мы быстро перешли к делу. Мистер Рандава сказал, что под чае питье можно занять весь ресторан. Все равно в пять пополудни не так много посетителей. Он сразу оговорил, сколько чая и по какой цене он предоставит, сколько английской выпечки и сэндвичей, сказал также, что из персонала выделит шесть человек – своих сыновей и племянников, которые помогают в ресторане в дни, свободные от учебы в университете. Он даже пообещал связаться с мэром и некоторыми влиятельными лицами, то есть обеспечить явку гостей, достойную освещения в прессе.

– Я позвоню своему приятелю на WBFM, попрошу, чтобы о чаепитии объявили по радио. Напечатаю постеры для витрины. Мэру я позвоню сейчас же, а завтра в восемь утра мы с ним играем в гольф, так что он уж точно не забудет.

Похоже, мистер Рандава был из тех ребят, кто приехал в Америку, чтобы успеть принять как можно больше решений в самое короткое время. Он фыркал от удовольствия и крутил на запястье гибкий золотой браслет часов.

Наблюдая за ним, я заряжался его оптимизмом.

– Как насчет того, чтобы пятьсот долларов сейчас, а остальное после мероприятия? – спросил он, все еще пофыркивая. Я понял, что такие шикарные часы и широкая улыбка не добываются голым оптимизмом, и потянулся за кредиткой «Туристических ресурсов».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.